



Рядом и  
на всю жизнь

Մովսիս



РЯДОМ И  
НА ВСЮ ЖИЗНЬ

ТБИЛИСИ  
1997

Эта книга, составленная друзьями и коллегами, посвящается памяти Павла Васильевича Асланиди — известного журналиста и общественного деятеля. Воспоминаниями о нем делятся его сверстники и младшие товарищи. Собранные воедино на страницах этой книги, задуманной и изданной супругой П. В. Асланиди — Еленой Надареишвили, они рассказывают об истинном тбилисце, любившем свой город, которому он щедро отдавал жар сердца и мастерство журналиста-гражданина. Семья Павла Васильевича Асланиди благодарит всех, кто внес лепту в создание и издание этой книги.

СОСТАВИТЕЛЬ-РЕДАКТОР — ЛЕВАН ДОЛИДЗЕ.

## ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО О П. АСЛАНИДИ

### ПОКА ЖИВА ПАМЯТЬ...

Всего три месяца назад мы коллективно сочиняли адрес в честь юбилея Павла Васильевича Асланиди. Наше последнее поздравление первому и долгие годы единственному нашему редактору. Теперь мы коллективно пишем некролог.

«Павел Васильевич, может быть, отметим ваше семидесятипяtilетие широко и в торжественной обстановке?» — предлагали мы. «Не надо, — категорически отказался он. — Почему-то после таких торжеств юбиляры имеют обыкновение умирать. Примета, что ли, такая...».

Павел Васильевич очень верил в приметы. Мы это знали и потому, когда он неожиданно заходил в наши рабочие кабинеты, поспешно перелистывали настольный календарь, если тот был открыт на цифре «13». А 13-ю страницу в материалах помечали цифрой «12-а»...

В свой последний на земле день Павел Васильевич, уже пенсионер со стажем, был приглашен на встречу с журналистами-ветеранами. Он успел услышать слова благодарности и признательности за свой долгий и нелегкий труд на поприще грузинской журналистики, поздравления с недавним юбилеем. И умер. Умер в здании, где проработал около трех десятилетий среди своих друзей-коллег. Последний подарок судьбы?..

У Павла Васильевича, наверное, были, как у всех нас, и недруги, но друзей — во сто крат больше.

«И не забудьте передать привет Павлику», — почти всегда звучало под занавес беседы с людьми, с которыми нас сталкивала журналистская профессия.

Друзья детства вспоминали, как выпускали газету «Дети Закавказья», как со станции «Муштайд» отправляли в «кругосветное путешествие» маленький паровоз. Друзья юности рассказывали, как работали вместе в ТЮЗе, в ЦК комсомола. Ну, а если мы попадали в Управление Закавказской железной дороги, то тут уже обязательно наши

собеседники возвращались памятью к годам, когда Павел Васильевич был собкором «Гудка».

«Передайте привет Павлику...». Признаться, нас слегка коробило такое фамильярное обращение. Для нас он всегда был Павлом Васильевичем, даже для тех, кто старше его годами. А он, поздравляя сотрудников «Вечерки» с праздником, всегда подписывался — «Твой (или Ваш) Павел Асланиди». Такие открытки мы обычно получали по почте под Новый год, Первомай, а женщины — обязательно к 8 марта.

Нам, есть вспомнить о годах, проведенных вместе. И тот незабываемый майский день 58-го, когда редакционный коллектив в полном составе устремился после рабочего дня к газетным киоскам, чтобы посмотреть, как горожане реагируют на выход в свет первого послевоенного номера «Вечерки» — тогда еще малоформатной, но уже самостоятельной газеты.

А как забыть встречи в редакции, которые с легкой руки Павла Васильевича стали традиционными? Кто только не заходил к нам на «огонек» — Владимир Высоцкий, Булат Окуджава, Миронова и Менакер, Аркадий Райкин, Вольф Мессинг, ученые с мировым именем, космонавты... Но душой общества неизменно был редактор.

А наши «летучки»? Сколько крылатых фраз рождалось на них, сколько раз редакторские шутки и неожиданные сравнения помогали мгновенно разрядить обстановку. У Павла Васильевича было обостренное чувство юмора — редкий человеческий дар. Он был прирожденным артистом и прекрасным рассказчиком, автором многих баек, которые передавались из уст в уста и становились золотым фондом редакционного фольклора.

Как-то на одной из летучек редактор распекал нас за допущенную серию ошибок. Ошибки в газете всегда ходят парами — примета, что ли, такая? По натуре эмоциональный, вспыльчивый, но отходчивый, он распялся все больше и больше, обещая в самом ближайшем будущем всех разогнать и собрать новый коллектив. «К нам в дверь стучатся», — постоянно напоминал он, намекая на нештатников.

«Вы словно сговорились загнать меня в гроб, — гневно обвинял нас во всех тяжких грехах Павел Васильевич. — И, что самое главное, никто из вас до могилы не проводит». «Проводим, Павел Васильевич», — простодушно заверила коллега. Ответом был общий смех. И громче всех смеялся



сам Павел Васильевич. Никто не мог так смеяться, как он, — заразительно, самозабвенно и немного по-детски.

Смерть тогда казалась далекой и нереальной... Но она пришла...

Мы проводим вас, Павел Васильевич. Проводим, как обещали, до самой могилы. А по дороге, каждый из нас наверняка будет прокручивать в памяти, как киноленту, нашу редакционную жизнь, годы, проведенные вместе. Много, наверное, уже стерлось, но главное осталось. Мы были крепким, спаянным коллективом. И это, несомненно, заслуга редактора. Мы вместе делали газету. «Вечерка» может стать хуже или лучше, но она никогда уже не будет такой, как при редакторе П. Асланиди. Да мы и сами уже другие.

«Вы еще будете вспоминать, когда меня не станет», — говорил Павел Васильевич в те редкие минуты, когда его, жизнелюба и оптимиста, вдруг посещала хандра.

Вспомним, Павел Васильевич. И не раз. Вы были и навсегда останетесь нашим первым редактором. Первым и на протяжении двадцати восьми лет бессменным редактором «Вечернего Тбилиси». Но говорить о вас мы будем, как о живом. А смерть? Она не наступит, пока жива «Вечерка». Пока живы близкие, друзья, коллеги. Пока жива память.

**«ВЕЧЕРКИНЦЫ».**

**ТЕЛЕГРАММА СОБОЛЕЗНОВАНИЯ СЕМЬЕ  
ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА АСЛАНИДИ**

Просим принять искренние соболезнования в связи с кончиной глубокоуважаемого господина Асланиди. Трудно представить семью журналистов Грузии без Павла Асланиди. Его смерть — большая потеря для каждого из нас. А жизнь его — убедительный пример того, как надо любить родной город, как жить его заботами и интересами. Эти качества особенно ярко проявились в газете «Вечерний Тбилиси», которую он возглавлял тридцать лет. Уверен, что светлая память о господине Павле Асланиди навсегда останется в сердцах его друзей и единомышленников.

**Эдуард ШЕВАРДНАДЗЕ.**

1.10.1992 г.



## **ОТ ГОССОВЕТА РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ И ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ**

Госссовет Республики Грузия и правительство республики с глубоким прискорбием извещают о смерти известного журналиста, бывшего редактора газеты «Вечерний Тбилиси», заслуженного журналиста Грузии

**Павла Васильевича  
АСЛАНИДИ**

и выражают соболезнование семье покойного.

---

### **В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ**

Образована комиссия по организации похорон Павла Васильевича Асланиди под председательством заместителя Премьер-министра Грузии Сандро Кавсадзе.

---

### **ОТ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОРОН П. В. АСЛАНИДИ**

Гражданская панихида состоится 2 октября в 17 часов. Вынос — 3 октября в 14 часов из квартиры покойного по адресу: пр. Константинэ Гамсахурдиа, 3, 4-й подъезд.

Расходы, связанные с похоронами, приняты на счет государства.

---

Мэрия города Тбилиси с глубоким прискорбием извещает, что скончался бывший редактор газеты «Вечерний Тбилиси», видный представитель греческого населения Грузии

**Павел Васильевич  
АСЛАНИДИ**

и выражает соболезнование семье покойного.



ЕЛЕНА НАДАРЕИШВИЛИ,

кандидат педагогических наук, зав. отделом  
Национального института педагогических наук  
имени Я. Гогешашвили.

### РЯДОМ, И НА ВСЮ ЖИЗНЬ

В 1951 году я начала работать литературным сотрудником в редакции газеты «Сталинский локомотив» Закавказской железной дороги. В редакции меня встретили замечательные люди, начиная с редактора (К. Лоладзе) и кончая машинистками. Все они были старше меня по возрасту, опытные журналисты и всячески старались оказать помощь, новоиспеченной сотруднице. И если я чему-нибудь научилась, то львиная доля в этом — их заслуга.

Однажды в редакции установилась напряженная атмосфера: корреспондент газеты «Гудок» по Закавказской железной дороге Павел Асланиди попал в аварию. Оказывается, когда поезд выходил из Сурамского тоннеля (Асланиди стоял рядом с машинистом), то его, выглянувшего из электровоза, сбило воздушной волной. В тяжелом состоянии Павла уложили в железнодорожную больницу. Все переживали за общего любимца, к больному никого из многочисленных посетителей не пускали. Не пустили к нему и редактора нашей газеты К. Лоладзе. Тогда он взобрался по пожарной лестнице на третий этаж и таким способом «пообщался» с Павлом через окно. Вернувшись из больницы, обрадовал всех: — Ему уже лучше.

На протяжении месяца как в нашей редакции, так и в расположенной рядом с нами редакции русской газеты «Большевицкая путевка», только и было разговоров, что о Павле Асланиди. Причем все о нем говорили очень тепло.

Я не была с ним знакома. Слушая изо дня в день разговоры, однажды я пошутила: «Что вы носитесь с вашим Павликом — умрет и хотя бы тогда я его увижу». Не успела я сострить, как сразу же поднялся шум, меня даже обозвали «бессовестной». Мол, как могла я, не зная человека, так о нем говорить! Мне ничего не оставалось, как извиниться и попросить прощения за сказанные слова.

Настоящим праздником для обеих редакций стал день,



когда Павлика выписали из больницы и для восстановления здоровья он уехал в Сочи.

Спустя некоторое время открывается дверь, и в редакционную комнату входит невысокого роста, упитанный, симпатичный молодой человек. «Павлик, Павлик», — раздалось со всех сторон. Его обнимали, целовали, расспрашивали. И он шутовливо, чувствовалось, с большой любовью ко всем, отвечал на вопросы. Про себя подумала: «Оказывается, он хороший парень!». Павел осмотрелся и вдруг сказал: «А у вас пополнение. Почему не знакомите?». Затем обратился ко мне и представился: «Павел Асланиди».

Так состоялось наше первое знакомство.

Шло время и почти ежедневно, если Павел находился в республике, он заглядывал в редакцию. Мы быстро подружились, он стал частым гостем в нашем доме. Маме Павел очень нравился. «Воспитанный, образованный и культурный молодой человек», — говорила она о нем. А второго ноября 1952 года мы зарегистрировались. В день свадьбы он мне сказал: «Что такое судьба! После аварии, вернувшись из Сочи, я зашел сначала в русскую редакцию. Мне сказали — сейчас же зайди в грузинскую редакцию. Там новая молодая сотрудница, обязательно с ней познакомься».

Мой дядя, Миша Бокерия (он жил в Кутаиси), узнав о том, что мой муж — грек, позвонил и сказал: «Жду вас, свадьбу продолжим у меня!». В Кутаиси тогда проживало немало греков. Со многими из них у дяди были хорошие, дружеские отношения. Как только мы вошли в квартиру, нас окружили гости, заговорили с ним по-гречески, к сожалению, Павел не знал языка. Он, покраснев, извинился и пообещал: «Греческий обязательно выучу...».

Павел Асланиди родился 24 июня 1917 года в г. Тбилиси. Его родители жили на ул. Пиросмани, 44. Отец — Василий Асланиди, грек. Мать — Мариам Коринтели, грузинка. Это была простая и дружная семья. Отец скончался рано, а работал он на табачной фабрике. Мать осталась с семилетним мальчиком на руках. Нужда заставила ее работать на табачной фабрике уборщицей. Время было тяжелое — тридцатые годы. На фабрике рабочих кормили бесплатно, и мать Павла носила с собой маленькую кастрюлю, чтобы из своей доли обеда принести сыну еду.

— В детстве, когда мне было очень голодно, — вспоминал Павел, — я садился и начинал рисовать хлеб. Он учился в русской железнодорожной школе. Часто после

школы Павел с одноклассниками прогуливались по проспекту Плеханова (ныне Д. Агмашенебели). На ребят обратил внимание заведующий педагогическим кабинетом русского театра юного зрителя К. Вайсерман. Можно сказать, что именно тогда начинается общественная деятельность Павла Асланиди.

Еще будучи школьником, вместе с другими учащимися, он принимал активное участие в строительстве детской железной дороги. Это была первая детская железная дорога не только в бывшем Советском Союзе, но и во всем мире. Павел Асланиди со своими сверстниками обращается в ЦК КП(б) Грузии, чтобы получить добро на строительство дороги на территории парка «Муштайд». Разрешение было получено. Начинается строительство. Павел сначала — рабочий, потом — бригадир. В это же время он активно сотрудничает в многотиражной газете «Дети Октября». Здесь он делает первые шаги в журналистике.

Спустя два года, 24 июня 1936 года, состоялось открытие Детской железной дороги, и первым ее начальником назначается ученик 9-го класса, Павлик Асланиди. В том же году делегация детей-строителей этой дороги, в составе которой был и Павел, выезжает в Москву, где их принимает нарком всесоюзного железнодорожного транспорта... После школы Павел Асланиди продолжает учебу на русском секторе филологического факультета Тбилисского государственного университета, а после его окончания назначается инспектором в городской отдел народного просвещения. Во время летних каникул руководил пионерскими лагерями. Он с удовольствием вспоминал пионерский лагерь в Кобулет, где отдыхали испанские дети. Тогда все «болели» Испанией. Затем он возглавлял пионерский отряд из Грузии, который отдыхал во всесоюзном пионерском лагере «Артек». До начала войны с фашистской Германией Павел стал специальным корреспондентом газеты «Пионерская правда» по Грузии. В годы войны его назначили инструктором Центрального Комитета комсомола к Нине Жвания, которая руководила в то время работой среди учащихся и молодежи.

— Годы, проведенные с Ниной Аквсентьевной Жвания, — вспоминал Павел Васильевич, — были для меня особо значительными. От нее я научился многому и, если во мне сегодня есть что-то хорошее, то это ее заслуга.

Трудно жилось матери и сыну в годы войны. Зарплаты Павла не хватало. Помню, мать Павла — Мариам, вспо-

минала: «Когда становилось особенно трудно, не было даже хлеба, я шла к Нине Жвания. В кабинете у нее стоял диван со спинкой, обитый коричневой кожей. Вначале она расспрашивала о нашем житье, затем поднимала крышку дивана — для таких людей, как мы, там у нее всегда были рис, фасоль, макароны, сахар, разные консервы... Принесенного хватало на несколько дней, потом поспевала зарплата Павлика...».

Работая в ЦК комсомола, Павел вместе с учащейся молодежью возглавлял в Грузии сбор лекарственных трав, а также занимался сбором подарков для фронта. За эту работу он был награжден почетными грамотами как всесоюзного, так и республиканского ЦК комсомола. Вместе с Ниной Жвания Павел принимал самое активное участие в открытии в Тбилиси Дворца пионеров и школьников.

Несмотря на активную работу в ЦК комсомола, Павла тянуло все-таки к журналистике. По рекомендации замечательного грузинского писателя Шалвы Дадиани и академика Кирияка Завриева он начинает работать специальным корреспондентом газеты «Гудок» по Закавказской железной дороге, обслуживая три республики — Грузию, Азербайджан и Армению. И здесь он пользовался большим уважением и любовью. С глубокой благодарностью и признательностью он часто вспоминал редактора газеты «Гудок» (к сожалению, я запомнила фамилию). Ему Павел обязан тем, что не был выслан из Грузии, как многие его соотечественники — греки.

— Утром из Москвы, — вспоминал Павел, — звонит редактор. — Сейчас же пойдешь на вокзал, сядешь в поезд и приедешь в Москву (у него был бесплатный проезд по железной дороге — Е. Н.). Я ответил, что у меня нет ни копейки денег и как мне три дня ехать?

— Ничего, — было сказано мне, — возьмите деньги у проводника. На вокзале вас встретит мой водитель и передаст вам деньги.

Приехал в Москву, сразу же пошел в редакцию, встретился с редактором, и он мне говорит: «Вот моя комната отдыха. Здесь есть и кровать. Здесь и будешь жить. Буфет где — знаешь. Зарплату получишь. Через десять дней вернешься обратно. И добавил: «По распоряжению Н. Хрущева греков выселяют из Грузии».

— Когда я вернулся, — продолжал Павел, — мама рассказала, что приходили и к нам, она сказала им, что я в Москве. Так спас меня мой редактор.

Работая в «Гудке», Павел старался всесторонне отобразить Грузию с ее историей, культурой, традициями... В период работы он получил звание почетного железнодорожника и стал инженер-майором административной службы.

...В 1954 году у нас родился сын Ираклий. Сейчас он врач-кардиолог, работает заведующим отделением Московского института сердечно-сосудистой хирургии им. Бурденко. А в 1964 году — дочь Эка, которая тоже стала врачом, но только педиатром.

В 1956 году Павел сдал экзамены в Московскую высшую партийную школу при ЦК партии на факультет журналистики, где благодаря своей активности, умению общения с людьми, вскоре был избран председателем профсоюза факультета. Между прочим, еще в молодости ему было присвоено всесоюзное почетное звание «массовика».

Не проходило и дня, чтобы он не позвонил из Москвы. Приходил в свою старую редакцию («Гудок») звонил к нам домой, сначала говорил с матерью, которую он боготворил, а затем уж разговаривал с нами. Вернувшись в Тбилиси, он все делал для того, чтобы облегчить матери старость: отправлял ее на отдых в санаторий, укладывал для поддержания здоровья в больницу.

Еще во время учебы в Москве его вызвали в Тбилиси и предложили должность редактора газеты «Вечерний Тбилиси». Естественно, он с радостью принял предложение, т. к. возвращался к своему любимому делу. Это было в мае 1958 года, и почти 30 лет он беззаветно служил своей газете. Той газете, которая за годы его работы редактором считалась одной из лучших не только в Тбилиси и Грузии, но и за пределами республики. Газета раскупалась сразу же вечером, утром ее уже трудно было достать.

Как правило, в девять часов утра Павел был уже в редакции. Не возвращался домой до тех пор, пока не выходил номер газеты. Часто спускался в типографию и следил за печатанием. Вернувшись домой, садился за чтение материалов. Правил, иногда переписывал заново. Навтро вызывал сотрудника, возвращал материал, указывая на ошибки, говорил: «Возьмите, учтите замечания, сделайте заново и занесите». Никогда сотруднику не делал замечаний в присутствии других. Очень ценил молодых способных журналистов, старался всячески помочь им. И действительно, он воспитал немало достойных журналистов.

Павел Асланиди был честнейшим человеком. Он бес-

корыстно помогал всем, особенно нуждающимся, так как хорошо знал их жизнь. Если кто-нибудь говорил ему: «Помогите, и я в долгу не останусь, отблагодарю», за это дело он не брался. Поэтому я предупреждала всех заранее о том, чтобы не произносили слова «отблагодарю».

Многие годы он читал лекции на русском секторе отделения журналистики филологического факультета Тбилисского государственного университета, и если кто-либо из студентов нравился ему, брал к себе в редакцию. Сначала для прохождения практики, затем нештатным корреспондентом, а как только предоставлялась возможность, переводил на штатную должность.

Однажды к нам домой пришла весьма симпатичная женщина. Через какое-то время Павел позвал меня: «Дама уходит, проводи ее», — сказал он мне. Проводила. Войдя в комнату, увидела на столе дорогую, старинную хрустальную вазу. С удивлением посмотрела на Павла.

— Что, понравилась? — спросил он, — но она не наша. И тут же пояснил: — Ее сын — мой студент, и весьма способный, из него выйдет хороший журналист, и я взял его корреспондентом. Мать, в знак благодарности, принесла мне «взятку». Что смотришь так удивленно? Думаешь, я принял это? Заверни и утром, когда приедет водитель, пусть ответит в редакцию.

На мой удивленный вопрос — почему же не вернул ей, он ответил:

— Принесла женщина такую тяжесть, и эту тяжесть я должен был заставить ее нести обратно? Где она живет, я не знаю. Завтра верну сыну.

На другой день он отчитал ее сына и вернул «взятку».

На протяжении многих лет, когда проводились «Дни Грузии» в Москве, выходили специальные номера газеты «Вечерний Тбилиси». Надо было видеть, с каким увлечением и самоотверженностью работал не только редактор, но и весь коллектив редакции. Собирали материалы, делали макеты, старались, чтобы каждый новый спецномер был интереснее предыдущего. В этом деле всегда рядом с редактором были такие журналисты, как А. Кикнадзе, И. Бринер, С. Свердлин, Т. Степанов, С. Гвелесиани, А. Багдасарова, Н. Мелик-Оганян, Л. Чачуа, В. Харазов, Е. Хитаршвили, Б. Шахназаров, Б. Кекелидзе, А. Ваच्याн, Н. Микиртумова, М. Осишвили, Н. Кананова, Т. Читая и др. Свою роль в жизни газеты сыграли и корректора, работавшие в те годы в «Вечернем Тбилиси», — Ж. Джапаридзе, Р. Георг



гизова, Т. Спицына, Л. Осипова, Дж. Мурадова, Н. Курашидзе, С. Квеес, А. Баласанова и другие.

«Тбилисоба»—это был светлый праздник для всей редакции. Составлялись планы, делались фотозаготовки. Рано утром Павел уходил из дому и в течение дня объезжал все районы, чтобы самому почувствовать аромат праздника, увидеть все, что делалось в этот день. Ведь все районы соревновались друг с другом в лучшей организации и проведении торжеств.

Почетное звание заслуженного журналиста Грузии было присвоено Павлу Асланиди в числе пяти журналистов, впервые в республике удостоившихся столь высокого отличия их труда. Это были самые счастливые дни в жизни Павлика.

Также в числе первых Тбилисский государственный университет наградил его медалью имени великого грузинского ученого Иванэ Джавахишвили. Этой наградой он гордился и показывал ее не только знакомым и друзьям, но и приезжавшим гостям. Его деятельность была отмечена многочисленными наградами и всесоюзными, и республиканскими почетными грамотами.

К сожалению, не всегда его журналистская деятельность была радостной. Много ему пришлось пережить. Несправедливые упреки, порой клевета, измена. Бывают же глупые, невежественные, завистливые люди, а такие встречались и среди партийных, хозяйственных работников. Были такие и среди его коллег.

Редко проходил пленум Тбилисского городского комитета партии, на котором не критиковалась бы работа редакции газеты «Вечерний Тбилиси» и ее редактора. Зачастую, критика была несправедливой, злобной. И шла она от таких руководящих работников, нравственный уровень которых был слишком далек от идеала.

Однажды Павел вернулся домой довольным: заблаговременно взял материалы пленума, чтобы оперативно подготовить их к печати.

— Представь, — сказал он мне, — завтра пленум, а нас не критикуют.

Мени тоже удивило это обстоятельство, но в то же время и насторожило... Ушел Павлик на пленум спокойный. Вернувшись домой, он мне рассказал:

— Сiju в первом ряду в хорошем настроении. С докладом выступил секретарь горкома (фамилию не называю сознательно — Е. Н.). И вот приступил к идеологиче-

ской работе, и полился поток критики в адрес нашей редакции.

В то время первым секретарем Центрального Комитета Компартии Грузии был Эдуард Шеварднадзе. Естественно, он присутствовал на пленуме горкома.

— Эдуард Амвросиевич, — продолжал Павел, — сидел, опустив голову, и делал в своем блокноте какие-то пометки. Как только докладчик упомянул нашу редакцию, поднял голову, сначала посмотрел на меня. Чувствую, на мне лица нет, поднялось и давление, волнуясь. Он улыбнулся мне, затем прервал докладчика и задал ему вопрос: — Вы знаете, где находится редакция «Вечернего Тбилиси»?

Секретарь никогда не бывал в редакции, в то время как Э. А. Шеварднадзе посещал редакцию несколько раз. И даже в период его пребывания на посту министра внутренних дел республики.

Секретарь, естественно, не смог ответить положительно. Этим все было сказано...

Здесь же хочу отметить, что, пока Эдуард Шеварднадзе был первым секретарем Центрального Комитета Компартии Грузии, к Павлу Асланиди у него было доброе отношение. Ценил его как образованного, культурного, способного журналиста-профессионала, хорошего редактора, и, что главное, Эдуард Амвросиевич знал его как честного и бескорыстного человека.

Когда Э. А. Шеварднадзе перевели работать в Москву, недоброжелатели воспользовались моментом и отправили Павла Асланиди на пенсию. И тем самым, можно сказать, обрекли его на смерть.

Эдуард Шеварднадзе не оставил без внимания смерть Павла Асланиди. Сентябрь 1992 года. Трагедия Сухуми. И наша семья получает из объятого пламенем города телеграмму соболезнования от Эдуарда Амвросиевича. По его указанию была создана правительственная комиссия по организации похорон Павла Асланиди под председательством Сандро Кавсадзе. Похороны должны были состояться за счет государства, однако семья отказалась от этих денег и перечислила их в Фонд обороны Грузии.

Павлик при жизни пользовался большим уважением грузинской общественности. У него было много друзей, и не только в Грузии. И после смерти друга, товарищи, коллеги, все, кому дорого было имя Павла Асланиди, сделали все, чтобы увековечить память о нем. На доме, где он жил и творил, была установлена мемориальная доска...

Но было в нашей памяти и немало радостных событий, волнующих встреч, счастливых путешествий. Помню, как будто это было вчера нашу первую поездку за границу в 1964 году в составе представительной делегации видных журналистов Советского Союза. Маршрут: Париж — Италия. Из Москвы наша группа вылетела в Париж. Спустя два дня мы уже были во Флоренции, и проехали автобусом по Италии. Затем — арабские страны. Однако самым волнующим оказалась для Павлика, естественно, и для меня, встреча с Древней Элладой. До этого Греция была знакома Павлу из книг, кино и рассказов.

...Было раннее утро. Павел стоял на палубе советского парохода и с волнением всматривался в горизонт, когда появится берег Греции. Чувствую, что он очень нервничает, побледнел. Он всегда был очень эмоциональным. Я не отхожу от него, интересно видеть его реакцию. Сошли с парохода. Павел стал ногой на землю, сделал два шага, посмотрел на меня. Вижу, глаза полны слез.

— Я действительно в Греции? Это — земля моих предков...

Из Пирея мы направились в Афины. Не отрывая глаз, он смотрел по сторонам, вспоминал историю Эллады, рассказывая мне много интересного из жизни этой замечательной страны. Был доволен и счастлив, что наконец-то довелось ему пройти по греческой земле, дышать ее воздухом.

Чуть позже, когда он успокоился, я сказала: «Очень прошу, будь откровенен, скажи, какое чувство владело тобой, когда ты ступил на землю Эллады?».

— Очень волновался, — ответил он, — чувствовал, что поднялось давление, сердце страшно забилось. Это было больше зовом крови. Не прими это за странность, но прогулка в Тбилиси, по Руставели, Плехановскому проспекту, где я вырос, дороже миллиона. Ты же знаешь, Тбилиси — родина моей матери. Там я родился, вырос, возмужал, и эта земля должна меня принять.

Но все это не означает, что Павел Асланиди меньше уважал греков, их культуру. Напротив, он всегда гордился тем, что был греком. Еще когда он работал в ЦК комсомола Грузии, его вызвал к себе секретарь по идеологической работе и предложил место редактора республиканской комсомольской газеты, выходящей на русском языке. Редакторская должность была весьма престижной для инструктора, и, естественно, Павел согласился.



— Одно условие, — с серьезным видом добавил секретарь ЦК, — я знаю, что мать у тебя грузинка, ты должен изменить фамилию и национальность, переходи на фамилию Коринтели.

— Если не хотите, чтобы я подписывался своей фамилией, тогда поставим подпись «Редколлегия», — робко ответил Павел.

Ответ не устроил секретаря, и он повторил свое условие. Тогда Павел уже резко отрезал:

— Не изменю ни фамилию, ни национальность. Мой отец ничем не провинился ни передо мной, ни перед нашим народом.

— Секретарь ЦК выставил меня из кабинета, — с улыбкой вспоминал Павел.

Позднее Павел в составе делегации Грузии второй раз побывал в Греции, объездил всю страну. Когда греки узнавали, что в составе делегации находится их соотечественник, они не знали, чем ему услужить и как уважить. Говорили с ним по-гречески, он извинялся за незнание языка:

— Я грек из Грузии. Мать у меня грузинка, вот и не знаю греческого языка.

Вернувшись из поездки, он рассказывал мне:

Словами не передать тебе всего, что я видел там. Надо увидеть все собственными глазами. Постараюсь при первой же возможности отправить тебя в Грецию. И действительно, осенью группа из Академии наук Грузии отправилась в турпоездку. Вместе с ними я еще раз побывала на родине предков мужа. После этого были поездки в Венгрию, Германию, Францию.

Во Франции друг нашей семьи устроил нам прекрасную встречу. Если бы не Яша Какителашвили, мы не смогли бы увидеть ни ночного Парижа, не попали бы и на Эйфелеву башню. Павел тепло настроился к Яше. «Какая замечательная личность», — говорил он мне. Надо сказать, что для него не имела никакого значения национальность. Среди его друзей были грузины, греки, армяне и русские, евреи, азербайджанцы, представители многих национальностей. «Хорошие и плохие есть в каждой нации. Главное — человек», — часто повторял он.

Хочу рассказать об одном эпизоде. В Москве, на улице Горького, мы вошли в гастроном. Стояла очередь. Я спросила у продавщицы, могла ли она дать орехи без очереди. Она ответила утвердительно. Чек я передала стоящему у прилавка Павлу. Он протянул его продавщице.

Стоящие в очереди люди почему-то приняли Павла за еврея и стали его оскорблять, и часто слышалось слово «жид». Взглянув на Павла, я догадалась, что он не проглотит всего этого. Чтобы разрядить обстановку, я обратилась к очереди и пояснила, что он не еврей, а грек, приехавший из Грузии. Все сразу же успокоились и стали наперебой предлагать: «Берите, берите». Продавщица подала орехи, а Павел, взяв пакет, повернулся к очереди и на чистейшем русском языке сказал: «Ваше счастье, что я не еврей, а не то... Вот такие русские, как вы, оскорбляют русских, ее интеллигенцию...».

Как-то мы отдыхали в Сухуми, в Синопе. Вместе с нами были и наши друзья из Тбилиси: Натусия Палавандишвили (супруга академика В. Беридзе) и Этери Багратиони. Друзья приставали к Павлику — мол, здесь есть хороший магазин, тебя все знают, отвези нас. Павлик не любил ходить по магазинам, тем более, если никого не знал там. Но женщины настаивали, и он согласился. В магазине его встретил весьма симпатичный, стройный молодой человек. Принял он нас хорошо, помог приобрести покупки. На Натусию и Этери молодой человек произвел приятное впечатление. Они поинтересовались его фамилией. «Эмхвари» — был ответ (абхазские князья). Этери тут же ответила: «Знаете, а я Багратиони» (потомки грузинской царской династии). Теперь Натусия застеснялась: «Ну, а я — Палавандишвили» (грузинские князья). Павлик повернулся ко мне и, улыбаясь, говорит: «Пошли отсюда. Нам, «плебеям», здесь делать нечего».

Следующим летом мы вновь были вместе в Синопе. Вновь пристали к нему дамы с просьбой пойти в магазин к Эмхвари. «Нет, — ответил Павлик, — вы знакомы с ним, вот и идите...». Вернувшись из магазина, госпожа Натусия рассказала Павлику о том, что директор магазина Эмхвари оказался на месте. Они напомнили о прошлогоднем визите и поинтересовались, помнит ли он их. «Конечно же, — ответил он, — вас привел ко мне Павел Асланиди». Надо было видеть, как расцвел Павлик, шутил: «Значит, я не простой «плебей»».

Павла Асланиди на протяжении 30 лет обслуживала служебная машина, но я не помню, чтобы он, какая бы ни была погода, отвозил детей в школу или институт. «Как, эти молокососы подкатят на черной «Волге», а их педагоги в такую погоду будут идти пешком?».



Но зато никогда не забывал о них во время праздников. Всегда брал с собой, не пропуская ни одной премьеры или нового фильма, концерта, дети всегда были вместе с ним. Заботился об их образовании, воспитании, отдыхе. Как только деньги попадали ему в руки, возвращался домой, нагруженный книгами. «Детям я оставляю богатство — книги. Это их духовное наследство», — говорил он. И действительно, он оставил семье хорошую библиотеку.

В семье Павла Асланиди растет внук. На вопрос: «Как его зовут?» — всегда гордо отвечает: «Я — Павел Асланиди». Фамилия, к счастью, не прерывается.

АРТЕМ АЗИРОВ,

бывший первый секретарь  
Октябрьского РК КП Грузии г. Тбилиси  
ветеран второй мировой войны,

### МОЙ ДРУГ ПАВЕЛ АСЛАНИДИ

Есть личности, даже короткое соприкосновение с которыми на всю жизнь оставляет на людях неизгладимый след. Такой личностью является наш дорогой Павел Васильевич Асланиди, которого, кстати сказать, многие называли просто Павликом — за его простоту и доступность или величали словом «Старик» — за его мудрость и авторитет вожака.

Павел Васильевич унаследовал и сохранил на всю жизнь замечательные качества, присущие всем членам его скромного, дружного, трудолюбивого родительского очага. И он, по образу и подобию этому, создал свою собственную семью. Его супруга Елена Надареишвили, сын Ираклий, дочь Эка — это подлинный клад нашего общества.

Павел Васильевич с детства был живым и общительным, выделялся природными способностями, добротой и душевностью, завидным прилежанием в труде и учебе. В последующие годы в нем сформировались качества жизнерадостного энтузиаста, вожака-организатора, умеющего сплотить не только детские, но и трудовые коллективы, направить их усилия на выполнение добрых, полезных для общества дел.

Честность и порядочность, прямота и открытость, идейная стойкость, приверженность общечеловеческим мораль-

но-нравственным нормам, умение постоять за правду и справедливость, защитить интересы государства и общества — навсегда стали принципами его жизни и действия.

Судите сами! Будучи еще подростком, учеником 7-го класса 11-й тбилисской железнодорожной средней школы, ему по жребию выпало право от имени своих сверстников защитить перед высшим руководством железных дорог страны проект строительства первой в мире Детской железной дороги в столичном парке культуры и отдыха «Муштайд». Затем он вместе с товарищами участвовал в строительстве этого объекта, а спустя два года стал его первым начальником.

Сколько радости приносила нашей детворе эта сказочная дорога со своим миниатюрным пассажирским поездом!!!

Одновременно с этим Павел Васильевич был искусным масовиком-затейником Тбилисского русского театра юных зрителей, активным участником детского движения в республике, создания Дворца пионеров и школьников в Тбилиси.

В предвоенные годы Павел Васильевич — студент филологического факультета Тбилисского государственного университета. Учебу успешно сочетает с работой по организации оздоровительной работы среди детей. Он начальник Кобулетского лагеря для детей — участников испанской войны на стороне республиканцев, работает среди детей, прибывавших из различных концов страны и мира во всеобширный пионерский лагерь «Артек» в Крыму.

В годы войны, как и многие комсомольские активисты, Павел Васильевич включился в дело начальной военной подготовки молодежи по линии Осоавиахима, мобилизации средств для нужд фронта. Он создает бригаду по сбору лекарственных растений, собирает подарки и организует концерты для раненых воинов, которые лечились в госпиталях Тбилиси. В этот же период он совершает поездки в Баку, собирает и публикует в прессе материалы о морских перевозках грузов для действующей армии.

В те суровые годы Павла Васильевича часто видели среди молодежи фабрик, заводов, предприятий сельского хозяйства, учреждений. Он нес ей свое правдивое слово о характере войны, о коварных планах неприятеля, внушал своим слушателям непоколебимую веру в нашу победу.

Будучи на учебе в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, я близко познакомился с Павлом Васильевичем, и

мы на всю жизнь оставались друзьями. Помню, с каким огромным интересом овладевал Павел Васильевич основами наук. Его всегда можно было увидеть за письменным столом, заваленным книгами и конспектами. Наряду со специальной литературой он много времени уделял художественной литературе.

Имея обширные знакомства среди москвичей, он всегда был в курсе всех столичных событий и охотно делился новостями с окружающими.

Случилось так, что в общежитии ВПШ я и Павел Васильевич жили в смежных комнатах. По вечерам вместе с другими товарищами мы собирались в основном у него и вели оживленную беседу. Со свойственным ему юмором он мог пошутить над присутствующими, искренне посмеяться над собой, рассказать анекдоты, которых он знал бесчисленное множество. При этом он всегда предстал перед нами щедрым, гостеприимным хозяином.

Еще до окончания последнего учебного года его вызвали в Тбилиси и предложили возглавить возрождаемую вновь газету «Вечерний Тбилиси». Он с энтузиазмом взялся за эту очень трудную и сложную работу. 20 мая 1958 г. первый номер «Вечерки» увидел свет. За короткое время был сформирован замечательный трудовой коллектив, который систематически пополнялся способными, эрудированными, честными и объективными журналистами. Среди них следует назвать З. Ахвледиани, И. Бринера, В. Харазова, С. Портного, А. Еремяна, А. Кикнадзе, Т. Степанова, Э. Минасяна, С. Свердлина, О. Черкезишвили, Л. Эйвин, Б. Шахназарова, Д. Каңделаки, Е. Хитаришвили, А. Стратьеву, Л. Мачутадзе, К. Енгояна, Г. Левина, Н. Махарадзе, Н. Микиртумову, М. Осишвили, И. Спицину, Е. Овоян, С. Гвелесиани, Н. Кананову и многих других.

Я как постоянный читатель могу без преувеличения сказать, что газета «Вечерний Тбилиси» самым активным образом участвовала в многообразной созидательной жизни города. Какие только формы и методы журналистской работы не использовались, чтобы дойти до каждого трудового коллектива, каждого читателя и помочь им решать повседневные задачи. Газета была подлинным помощником и советчиком для всех, распространителем всего нового, прогрессивного.

Вместе с этим она бичевала пороки нашего общества, особенно остро выступала за чистый и честный облик тбилисцев, за права каждого из них.

В 1985 году Павел Васильевич ушел на пенсию. Но и после этого, до конца жизни он вел серьезную общественно-политическую работу, читал лекции на факультете журналистики в Тбилисском государственном университете, выступал глашатаем дружбы и братства, ратовал за счастье и процветание Грузии. На выборах в парламент республики 1992 года он был выдвинут кандидатом в депутаты от Социалистической партии трудящихся Грузии.

28 лет проработал Павел Васильевич редактором «Вечернего Тбилиси», где наиболее ярко и полно раскрылись его способности организатора и профессионала, его подлинно человеческие качества, истинно твердая жизненная позиция. Главное то, что он остался борцом за дело трудящихся, за социалистические нормы и принципы жизни. Он не изменил своих взглядов, не оказался перевертышем, никому не изменил.

На днях мне довелось встретиться и побеседовать с некоторыми работниками «Вечерки», и я еще раз убедился, какой глубокий след оставил он в этом коллективе. Люди с благоговением вспоминали о нем и с каким-то особым волнением произносили слова: «Наш дорогой Павел Васильевич», слова, которые переполнили сердце и душу — и гордостью за друга, и печалью утраты.

НАТЕЛА ВАСАДЗЕ,

президент Академии  
педагогических наук Грузии

### О ДОБРОМ ДРУГЕ

Есть люди, жизнь которых и сама личность служит образцом для поколений. Их отличает не только высокая эрудиция и особый профессионализм, но присущие им замечательные качества — умение сеять добро, человечность, бескорыстная любовь к Родине. Таким был Павел Асланиди. Друзья называли его Павликом, подчеркивая тем самым особую любовь к нему. Мы были убеждены, что такое обращение, это имя — доставляли ему радость.

Трудно сегодня говорить о Павле Васильевиче в прошлом времени. Трудно, так как люди, подобные Павлику,

не умирают. Именно о них говорят — преобразился, хотя невозможно представить, как можно его заменить и особенно его внутренний мир, характер, привычки. Сегодня, рассматривая проведенные вместе годы, особенно поражаюсь умению Павлика понять, обласкать человека, сопереживать ему, любить его. Очень странно и как-то по-особому он был влюблен в Грузию. Может быть, кто-то и удивится, как мог человек, по национальности грек, так всецело душой и сердцем, всей своей сутью быть грузином. Это было как раз то исключение, когда у человека — две родины. Одна — загадочная Греция, знакомая только по рассказам отца, прочитанным книгам, и другая — Грузия, источник его вдохновения и веры.

Нам часто доводилось спорить на эту тему, и, как правило, он выходил победителем. Ведь любовь к Грузии он доказывал делом. Именно для этих целей он использовал свое самое дорогое оружие и богатство — журналистское перо. Павлик не только любил Грузию, он был грузин и не только в Грузии. И когда ему посчастливилось ступить ногой на греческую землю, предоставилась возможность расширить контакты с греками, тогда он по-особому покровительствовал всему грузинскому, Грузии.

Он гордился своей грузинской семьей, и это не было заслугой лишь его жены — грузинки Елены Надареишвили. Особая роль принадлежала его матери — женщине-грузинке, которая воспитала его в любви не только ко всему грузинскому, но и ко всему греческому.

Лично для меня вести разговор о Павле Асланиди — боль двойная. Меня связывала с ним в первую очередь любовь и верность Павлу Асланиди моего, ныне покойного супруга Гугули Данелия. Работая вместе в тяжелые годы Отечественной войны, они проводили бессонные ночи в одной маленькой рабочей комнатке, вместе делили радость и горе. Слушая их воспоминания, я знала, как гордились они оба сотрудничеством с замечательной грузинской женщиной — Ниной Жвания. Сколько юмора и доброты сопутствовало всегда их воспоминаниям. Думаю, это оттого, что до последних дней жизни оба остались верны дружбе молодости.

Впервые с Павлом Асланиди судьба свела меня в детстве. Он был автором статьи, опубликованной обо мне во всесоюзной молодежной газете. Впоследствии, если я добивалась каких-либо успехов, то он обязательно шуточно

напоминал мне об этом и говорил: «Не забывай, впервые я написал о тебе».

Особенно памятен мне 1953 год, когда «дело менгрелов» достигло кульминационной точки, я же решила выйти замуж за Гугули Данелия, менгрела, которого ждало заключение. Разве можно забыть все, что сделал Павлик в это время. Он был среди тех многочисленных друзей, благодаря которым и была создана наша семья.

Павла Асланиди все запомнили как редактора газеты «Вечерний Тбилиси». Это был поистине особый этап в его жизни и деятельности. Он редактировал ее почти 30 лет со дня основания, и она была интересна, содержательна не только для русскоязычного читателя. Каждый номер газеты с нетерпением ждала широкая общественность и не только в Тбилиси. С такой же особой любовью и гордостью вкрапывал редактор в каждый ее номер частицу самого себя, своей жизни, сочетая оперативность, объективность информации, принципиальность с постоянным журналистским поиском. Больно и очень больно, что появились и такие, «заслуга» которых в том, что именно они отторгли редактора от своего любимого дела.

С позиций сегодняшнего дня нетрудно говорить о том, что именно уход из газеты ускорил смерть редактора. Печально, что мы — люди, нередко не бережем друг друга.

Немало средств существует для того, чтобы оживить прошлое, и среди них — фотоснимки. На одном из таких памятных фото мы сфотографированы — замечательный сын нашей страны Ираклий Абашидзе, герой Отечественной войны Давид Джабидзе, Павел Асланиди и я. На одном из мероприятий нас запечатлел известный фоторепортер Отар Туркия. Во время нашей последней роковой встречи Павлик неожиданно спросил меня, не потеряла ли я это фото. Подумав о том, что, возможно, он потерял свое, я спросила: «Для чего оно ему нужно?». «Совсем скоро смотри на него чаще и вспоминай нас», — ответил он. Я не ожидала от него такого ответа, он не любил подобных шуток...

Сегодня, напротив, я стараюсь как можно реже смотреть на это фото, так как оно доставляет мне печаль и боль. Ушли все — Ираклий, Давид, Павле. Ушли достойно, выполнив свой долг, и оставили нам право на добрую память о себе.





СОФЬЯ ГВЕЛЕСИАНИ,

зав. отделом культуры и науки  
газеты «Вечерний Тбилиси»,  
заслуженный журналист Грузии

### В НЕМ КИПЕЛА ЖИЗНЬ

Павел Васильевич — фигура в какой-то степени уникальная, чей характер, сложившийся в Тбилиси, нес в себе черты, вызывавшие к нему чувство симпатии в самой разной среде. К примеру, и у писателя, и у телефонного мастера, которому, по своим служебным обязанностям, и без того полагалось содержать в порядке свою часть в служебном кабинете редактора городской газеты, органах Тбилисского горкома партии и т. д. Уровень общения, по-братски доброжелательный, в соединении с юмором и тактом, позволял ему выходить из вдруг возникавших даже не всегда удобных для него ситуаций. Сколько мне помнится (исключая один или два случая), его имя всегда произносилось в ласкательном варианте — Павлик и неизменно с теплой улыбкой.

В нем кипела жизнь. Невысокий, сильно пополневший, он был, на удивление, подвижен, хотя даже на коротком расстоянии предпочитал пешему хождению машину. Однажды мы с ним вместе должны были посетить какое-то мероприятие в Большом зале Грузинской филармонии, совсем рядом с редакцией. Но и туда, к моему удивлению, мы отправились на машине.

...Кто-то из руководителей может похвалиться тем, что не подвергается влиянию никого из своих сотрудников? Не стал исключением и Павел Васильевич, что не мешало ему иметь свое собственное мнение о работающих с ним людях, объективно для себя оценивая их достоинства и недостатки, независимо от личного к ним отношения.

Его активность и жизнерадостность, любовь и преданность газете, гордость за то, что собранный им коллектив может качественно решать задачи, которые ставились перед газетой «сверху», или те, которые журналисты выдвигали сами, приносили результаты. В коллективе «Вечернего Тбилиси» знали, что инициатива будет с жаром поддержана редактором, который потом «с чувством», нередко в лицах, расскажет об отзывах по этому поводу в разных сферах.



Павел Васильевич обладал и таким необходимым для руководителя печатного органа (да и только ли для него?) свойством, как умение вместе с автором порадоваться хорошему материалу, хорошей идее, чем, естественно, подерживалось в коллективе творческое начало. Успех руководителя во многом питается его доверием к профессионалам, с которыми он работает. И это качество у редактора Павла Васильевича Асланиди тоже было.

По инициативе нашего отдела культуры и науки в редакции постоянно устраивались встречи с деятелями грузинской культуры и с гостями, приезжавшими к нам в Тбилиси из разных центров Советского Союза — Москвы, Ленинграда и т. д. Однако в лице Павла Васильевича мы имели серьезного соперника. Он вдруг приводил в редакцию такого человека, которого никто другой, скорее всего, привести бы не смог. Приведу такой пример.

...Обычный редакционный день. Вдруг начинает обегать комнаты взбудораженный курьер: «Скорей идите в кабинет редактора. Будет встреча с экономистом Терещенко». Кабинет редактора заполнился мгновенно. Еще бы! Вспомните то время — то ли последние доперестроечные, то ли первые перестроечные годы. На родину, в Советский Союз, возвращается один из виднейших экономистов, проработавший десятилетия в США. Мы уже многое о нем знаем — своим опытом он делится на страницах центральных газет, его буквально на части рвут города и учреждения. И вот он — в Тбилиси, приехал, точнее сказать, привезен на кратчайший срок чуть ли не первым секретарем ЦК партии. Время его расписано по секундам. И вдруг Павел Васильевич привозит его к нам в редакцию! Свидетели той необычной встречи до сих пор диву даются, как это ему удалось. Сыграло ли роль личное обаяние, то ли сумел Павел Васильевич увлечь Терещенко грандиозными задачами, стоящими в новом времени перед коллективом, которому без встречи с Терещенко ну, никак не обойтись, не знаю, но Терещенко (прошу прощения, что запаматовала его имя-отчество) сдался. Выступил у нас, был засыпан вопросами и, судя по всему, встречей остался доволен. Что же говорить о нас, внимавших ему с огромным интересом. Ну, а рассказ о том, как Павел Васильевич привез Терещенко в редакцию, остается в редакционном фольклоре одним из самых-самых...

Надо отдать ему должное — журналистское чутье было развито у него необыкновенно. Как и артистизм, и не-

сомнительный актерский талант, спонтанно проявлявшийся в беседах с людьми, на редакционных летучках... Как-то я сказала ему: «Павел Васильевич, стали бы вы актером — гарантировано было бы вам звание народного артиста СССР». Поначалу он не знал, как реагировать, потом решил, что это хорошо, и уже сам пересказывал эти слова.

Теперь несколько иной случай — с литературоведом Натаном Эйдельманом, встреча с которым для нас, журналистов «Вечернего Тбилиси», в основном филологов, не могла не представлять интереса. «Проведите у себя», — сказал мне редактор, спешивший на очередное совещание в горком. Ну что ж, у себя, так у себя. В то время наш отдел культуры и науки занимал две комнаты — маленькую, в которой сидела я, и другую, довольно просторную, в которой располагались три литературных сотрудника и даже стоял еще один, четвертый письменный стол — за ним время от времени устраивался кто-либо из нештатников. Народу собралось много, пришел даже кое-кто из близких братьев с четвертого этажа, если не ошибаюсь, «Молодежи Грузии» и «Лело». Встреча близилась к концу, когда вдруг в комнате появился Павел Васильевич. Мгновенно оценив ситуацию, тут же распорядился разыскать фото-корреспондента. Тот явился, и тогда редактор, сняв с себя пиджак, начал облачать в него растерявшегося Эйдельмана, пришедшего в редакцию без оного. Но известно: что тбилисцу — прохлада, то северянину — жара. Слова же, обращенные редактором к Эйдельману, были такими, какими нужно — неважно, что о нашем госте он имел приблизительное представление. Потом, то ли в редакционном коридоре, то ли у себя в кабинете, он сказал мне: «Пишите, сколько посчитаете нужным. Не на полосу, конечно», снимая, таким образом, извечный вопрос о числе строк, глубину которого может постигнуть лишь работник газеты или ее автор.

Не могу не рассказать еще об одном случае из редакторской практики Павла Васильевича, тем более, что он тесно связан с появлением очерка, название которого стало и названием моей первой книги — «Мы ищем рукопись...». Но начать придется издаека, где-то поневоле цитируя саму себя.

Весной 1964 года заведующий кафедрой русской литературы Тбилисского университета, профессор Вано Семенович Шадури отыскал в одном из архивов письмо Рафиэла Эристави, которое и принес мне со своими коммента-

приями. Материал был опубликован без промедления. Поясню. Дело в том, что рукописью окончательного авторского текста бессмертной комедии Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума» литературоведение не располагает. В письме же Рафиэла Эристави имелось вполне ясное указание на то, что еще в пятидесятых годах прошлого века такая рукопись существовала и находилась в Грузии, подаренная Грибоедовым одному из своих грузинских друзей. Рукопись после его смерти оказалась у его сына Александра Церетели. Приведу одну фразу жены Грибоедова Нины из беседы, свидетелем которой явился Рафиэл Эристави. «Князь Александр! Одолжите мне рукопись моего мужа, списать, — сказала Нина Грибоедова, обращаясь к Церетели, — я вам скоро возвращу... — Тут она прибавила: — Я бы списала и из других полных рукописей (у многих есть), но все же лучше списать с подлинной».

И хотя князь Александр уверял Нину, что рукописи у него нет, слова его не вызвали доверия. Очень может быть, решили мы с Ваню Семеновичем, что рукопись и сейчас находится в Сачхере, где жил князь Александр. И я устремилась туда, в командировку по редакционному удостоверению, подписанному Павлом Васильевичем.

Та рукопись пока (будем надеяться, что пока) не найдена. Но результатом моих корреспонденций было и то, что (о чем писала и «Литературная газета») вошли в научный оборот два списка «Горя от ума» — один тбилисского кинорежиссера Лео Эсакия, другой, в Москве, у букиниста Старицына. Так что посвящение на подаренному Павлу Васильевичу экземпляру моей книги «Мы ищем рукопись...» я с полным основанием среди других слов написала: «благодаря редакторской поддержке...». Очерка, давшего ей название.



РИСМАГ ГОРДЕЗИАНИ,

академик АН Грузии,  
 председатель Общества дружбы  
 «Грузия—Греция».

### ТБИЛИССКИЙ ПОТОМОК ЭЛИНОВ

Безусловно, батони Павле Асланиди был одним из избранных представителей интеллигенции Грузии. Более тесным наше с ним знакомство делало одно обстоятельство. Мы оба были членами Общества дружбы «Грузия — Греция». Он видел во мне популяризатора греческой культуры в Грузии. Для меня же батони Павле был одним из самых симпатичных потомков тех элинов, изучение языка и цивилизации которых я выбрал делом всей своей жизни. Несмотря на то, что впоследствии волею судьбы мне довелось работать вместе с ним совершенно в различных обществах, комиссиях, в наших взаимоотношениях сознательно или бессознательно, безусловно, доминировал момент грузино-греческой дружбы.

Батони Павле отличало чувство высокой ответственности. Редко доводилось встречать мне человека, который так близко принимал к сердцу порученное ему, пусть даже самое незначительное, дело. Помню период, когда старая система у нас практически вошла в фазу развала. И хотя созданные правительством многочисленные т. н. структуры общественной работы еще продолжали работать, их фактически питала сила инерции. Помню, с каким увлечением работал он именно в это время как один из руководителей этих общественных структур. Его энтузиазм, аккуратность, умение доводить начатое до конца оказались настолько заразительными, что вскоре работа нашей комиссии стала образцовой.

Одним из отличительных качеств батони Павле было доброжелательное отношение к людям. На протяжении многих лет он редактировал одну из популярных городских газет. Не помню случая, чтобы он предоставил кому-нибудь возможность использовать страницы газеты только из конъюнктурных соображений или для незаслуженного возвеличивания какой-либо личности или организации. Он был большим патриотом Грузии и прежде всего Тбилиси. Его газета «Вечерний Тбилиси» всегда много писала о любви к столице. Благодаря батони Павле газета пользова-

лась большой популярностью не только среди русскоязычных, но и грузинских читателей.

Убежден, что последние годы его жизни, которые протекали на фоне всеобщей безответственности и развала, были для него довольно трудно переносимыми. Не забуду, как однажды, когда мы остались наедине после одного, характерного для того периода, безликого заседания, он, всегда осторожный в оценках, сказал: «Ясно, что все это рухнет, ничто этого не спасет. Но что ждет в будущем, какую участь уготовит логика развития событий грузинам?».

Его, грека, особенно волновало, как будут развиваться взаимоотношения между Грузией и Грецией. Помню большую радость батони Павле, когда мы восстановили в наших школах изучение греческого как иностранного языка.

Сегодня с удовлетворением хочу отметить, что его самое сокровенное желание — развитие добрых, дружеских отношений между Грузией и Грецией — явно осуществилось. И теперь, когда мы вспоминаем тех, кто внес значительный вклад в это дело, то одним из первых среди них должны назвать и Павла Асланиди.

АНАТОЛИЙ ГРЕБНЕВ,  
кинодраматург, писатель.

### ПОХОД ЗА МАНДАРИНАМИ

— Когда ты едешь? — спросил Павлик. — Надо взять с собой ящик мандаринов, вот что. Я тебе организую».

— Зачем?

— Как зачем! Он еще спрашивает! Ящик мандаринов. Повезешь детям. Пошли!

— Куда пошли?

— Как куда? За мандаринами. Ящик мандаринов, это будет в самый раз. В Москве ты их сейчас днем с огнем не сыщешь.

Я еще некоторое время сопротивлялся, но Павлик был непреклонен. Он уже держал меня за руку. Он уже вел меня — куда? Как куда? За мандаринами!

Дело происходило году, помнится, в 1960-м, что-то около того, а может, несколькими годами позднее. Мы

встретились на Руставели — столкнулись лицом к лицу возле книжного магазина, напротив оперы. Павлик не преминул сообщить между прочим, что он сегодня отпустил шофера и поэтому встречен мною пешим. Это чтоб я не подумал, что он, редактор газеты, ходит всегда пешком. Он к таким вещам относился серьезно, как и подobaет тбилисскому человеку.

Тбилисцем Павлик был до мозга костей. Вот и в истории с мандаринами, то есть в желании во что бы то ни стало облагодетельствовать старого друга, он проявил черты, которые кажутся мне истинно тбилискими. Мы выросли вместе, правда, с разницею в возрасте в несколько лет — он был старшим, я младшим, так оно и осталось, и, значит, в теперешнем поступке Павлика — походе за мандаринами — была ко всему прочему и забота, если хотите, опека старшего над младшим, ну и доля некоторого невинного хвастовства, не без этого.

Итак, за мандаринами! Взяв за руку, Павлик потащил меня в какой-то подвал, где по его расчету имелись в наличии желанные ящики и где его, Павлика, Павла Васильевича, конечно же, знали — некто по имени Вахтанг так и ждал, что к нему обратится именно мы, то есть Павел Васильевич и его московский, а в прошлом тбилисский друг, дети которого жаждут мандаринов из Тбилиси.

Увы, Вахтанга на месте не оказалось. Как и подobaет тбилисскому человеку, он отправился в этот час на похороны какой-то родственницы своего друга детства, о чем нам и сообщили в подвале. К сожалению, не оказалось и мандаринов — их, видимо, не успели завезти. Нам предложили по стаканчику вина и указали на другой такой же подвал, правда, в другом конце города, где уж наверняка мандарины и кое-что еще имелось в полном ассортименте. «Поехали!» — сказал Павлик.

Тут нужно добавить, что была середина рабочего дня, и Павлика, как взрослого солидного человека, наверняка ждали еще какие-то дела и, вероятно, поважнее, чем мандарины для друга. Но он уже связал себя обещанием, от которого, как истинный тбилисец, не мог отступить, — и вот мы уже едем троллейбусом, если мне не изменяет память, в Дидубе, то есть по Плехановскому и дальше мимо «Муштаида», как назывался в наше время Парк культуры и отдыха, мимо Детской железной дороги, где когда-то, страшно подумать, как давно, мы и познакомились и подружались с Павликом Асланиди. Он, старшекласник, был

тогда первым начальником этой самой ДЖД, мы, пацаны, начинали свою карьеру стрелочниками и дежурными по станции. Витя Сокольский, общий наш любимый друг, девяти или десяти лет от роду повел паровоз в качестве машиниста, о чем тогда писали все газеты. Сейчас Витя в Москве, он ученый, занимается космической техникой. А мы с Павликом едем на троллейбусе в Дидубе за мандаринами. («Зря отпустил шофера», — напоминает Павлик.).

Увы и ах, склад в Дидубе оказался и вовсе на замке. Надо понимать, сотрудники отравились, как и мы с Павликом, по каким-нибудь неотложным личным делам.

— Павлик, не надо, прошу тебя, в другой раз! — взмолился я, прочитав на лице моего друга новую осенившую его идею, связанную все с тем же делом о мандаринах. Мы оба уже становились заложниками этого дела: он — поскольку предложил и обещал; я — поскольку был объектом, а теперь уже и жертвой данного им обещания.

Можно было проклясть все на свете. Третий наш заход — на улицу Клары Цеткин, по счастью, не так далеко, — снова оказался безрезультатным.

Тут, впрочем, Павлик вспомнил, что в редакции его ждут свежие полосы и будет, видимо, правильнее всего, сказал он, если мы поедем сейчас вместе в редакцию и уж оттуда свяжемся по телефону с человеком — есть один такой, — который поможет нам в нашем деле. Напрасно я уверял моего друга, что затею эту лучше бы нам отложить на другой день, ссылаясь на собственную занятость — вот уже четвертый час, а дел еще полно, — все напрасно! Павлик с упорством тащил меня за собой, мы схватили такси и через четверть часа были в редакции.

Он сдался не сразу — так, примерно, часам к шести, когда оказалось, что нужного человека, как назло, нет на месте, а по другому телефону то «занято», то не отвечают — иди разберись, есть ли там кто-нибудь вообще. Павлик успел прочитать и подписать полосы, дал по старой памяти почитать и мне; мы вспомнили общих знакомых, выпили чаю. Прощаясь, я обещал Павлику, что завтра же непременно мы с ним снова займемся мандаринами, и с этим он меня, наконец, отпустил.

На этом — к счастью, для нас обоих, я думаю, — операция «мандарины» закончилась. Но ведь и сейчас, спустя столько лет, я еще вспоминаю о ней: о нашем упрямом и бесцельном походе, о нерассчитанном порыве моего друга. об этом невообразимом сочетании фантазии и дела,



практицизма и бесшабашности, наивного желания облагодетельствовать весь мир с фатальной невозможностью это сделать.

Павла Васильевича Асланиди — Павлика, иначе его не называли и в пожилые годы — я знал с юных лет, со времен, когда они со старенькой мамой жили на улице Пиромсани, она же Молоканская, близ вокзала. Как давно это было! Уже живя в Москве и наезжая в родной Тбилиси, встречался с ним периодически — помню его собкором «Пионерской правды», а затем «Гудка», а затем уже и редактором «Вечернего Тбилиси». Думаю, что был он хорошим журналистом. Но об этом пусть скажут другие. Для меня Павлик Асланиди остался воплощением нашей юности, нашего неповторимого мира, нашего, нашего Тбилиси, где как раз и было место таким людям, восторженным и наивным, с каким-то природным даром общения, неохватным кругом друзей и талантом дружбы. Думаю, что теперь таких людей нет.

г. Москва.

## ДЖОДОР ДАДИАНИ

научный сотрудник Национального института педагогических наук имени Я. Гогешаши, кандидат педагогических наук.

## МАЭСТРО ЖУРНАЛИСТИКИ

В тридцатые годы я начал сотрудничать в грузинской и русской прессе. Позже начал публиковать свои материалы в газете «Вечерний Тбилиси», которую редактировал Павел Асланиди. Уточню сразу же: сравнительно больше всех моих корреспонденций, статей, рецензий опубликованы именно в этой газете. После 2—3-х публикаций я подружился и с семьей Павла Асланиди (калбатони Елена Надареишвили — супруга Павла — общественная деятельница, давно работает заведующей отделом государственного Национального института педагогических наук имени Я. Гогешаши. Это тот институт, где с ноября 1956 года работаю ведущим научным сотрудником и я. Я консультировал по грузинскому языку и литературе сына Павла Асланиди

— Ираклия, который стал высококвалифицированным врачом.

Газета «Вечерний Тбилиси» систематически публиковала материалы, подтверждающие славные факты из истории Грузии. С большим удовлетворением отмечу, что на страницах этой газеты были напечатаны несколько обстоятельных моих работ, посвященных историческому прошлому. Когда я приносил к Павлу Асланиди статьи на историческую тему, он всегда с одобрением встречал меня и говорил, что они способствуют росту патриотизма народа и повышению рейтинга газеты.

Как правило, до публикации рецензий на книги, статей он сам внимательно пересматривал литературу, связанную с изложенными фактами. Очень бережно работал над авторским текстом. Так, однажды я принес ему рецензию на книгу известного журналиста Михаила Кекелидзе. Почти два часа редактор работал над статьей. Я собрался уходить и был уже на первом этаже, когда знакомый голос секретаря попросил меня вернуться. Редактор извинился передо мной за то, что изменил заголовок без согласования со мной. На второе утро Павел Асланиди позвонил мне и сказал: «Читайте ваш материал в завтрашнем номере на второй странице». Думаю, этот факт наглядно свидетельствует о том, что у Павла Асланиди были добросердечные взаимоотношения с авторским активом.

Он особенно любил поэзию и многие строки легендарных бардов — Ш. Руставели, Д. Гурамишвили, А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Чавчавадзе, А. Церетели, В. Пшавела и других он знал наизусть.

Павел Васильевич был большим сторонником истинной объективности, а как журналист, редактор газеты — личность цельная. Он сеял добро, был истинным патриотом, его трудолюбие заслуживало подражания. Бездеятельность, инертность были для него противоестественны. Поэтому не удивительно, что он часто повторял слова известного поэта:

«Мне нужно действовать... Я каждый день  
Бессмертным сделать бы желал, как тень  
Великого героя, и понять  
Не хочу, что значит отдыхать».

(М. Лермонтов)

Прошло немало времени, но и сегодня я помню один факт. Павел Асланиди поручил мне написать большую

статью на тему «Илья Чавчавадзе в Санкт-Петербурге». К назначенному сроку я не принес материал. Пришел в редакцию на 8—9 дней позже. Павел Васильевич сказал, что не ожидал этого от меня.

— В чем причина? — поинтересовался он.

— Причин много, — ответил я.

— Первая? — сразу же спросил редактор.

— Неожиданно отправили меня в командировку в Ахмета.

— Этой причины достаточно, другие называть не нужно. Напомню, — продолжал Павел Васильевич, — несколько строк из статьи Акакия Церетели о том, как Наполеон спросил одного из своих полководцев, почему он не принял участия в войне. На что тот ответил: было 365 причин. Первая — у меня закончились снаряды... И тут Наполеон прервал его, воскликнув, что достаточно и этой одной и незачем перечислять другие. Мы немало пошутили и посмеялись по этому поводу. Это произошло несколько лет назад, но я сегодня, как бы вспоминая этот эпизод, заново переживаю те приятные минуты.

С большой благодарностью хочу отметить, что Павел Асланиди опубликовал несколько рецензий именитых авторов на мою монографию, касающуюся моей основной деятельности — педагогики.

Природой наделенный прекрасными человеческими качествами, он щедро отдавал свою любовь близким, родственникам, соседям, друзьям, коллегам. Многие, хорошо зная Павла Васильевича, абсолютно верно отмечали: в радости он радовался вместе с тобой, в горе всегда оказывал поддержку, при трудностях — не жалел ничего для поддержания духа. Да, Павел Асланиди был одним из тех, о которых говорят, что они наделены той милостью, которой Бог наделяет своих избранных.

Павел Васильевич оставил о себе память как о мужественном, добросердечном, добропорядочном, глубоко образованном человеке. Не преувеличивая, можно отнести к нему слова известного поэта:

Какой светильник разума угас,  
Какое сердце биться перестало.



ЛЕВАН ДОЛИДЗЕ,  
журналист.

### КАЛАКЕЛИ ПАВЛЕ

В последних числах сентября 1992 года в моем служебном кабинете раздался утренний звонок:

— Старик, как дела? — слышу знакомый голос Павла Асланиди, — меня выдвигают кандидатом в депутаты, я хочу, чтобы именно ты написал обо мне...

В тот же день мы встретились у него дома. 75-летний хозяин был одет по-домашнему, в пижаму. Болезнь отпечаталась на его лице бледностью, чувствовалось, что он заметно ослаб. Так, втроем — Павел Васильевич, его супруга и я — мы перевероростили весь уникальный домашний архив в документах и фотографиях, в которых отражена целая эпоха.

Как-то незаметно в уютной и гостеприимной сабурталинской квартире пробежал вечер. Но, Боже мой, какой фейерверк красочных воспоминаний, сколько интересных имен, фактов, событий, да еще из уст такого великолепно-го рассказчика, как Павел Васильевич, редактировавшего одну из самых популярных в Грузии газет «Вечерний Тбилиси» и побившего все известные доселе рекорды редакторского долголетия.

Было уже за полночь. Павел Васильевич и его супруга вышли на лестничную площадку проводить меня. «Когда-то в такое время, — с грустью сказал Павел Асланиди, — в Тбилиси начиналась вторая жизнь. Люди возвращались из театров, кино, концертных залов, долго не расходились, в парках сидели влюбленные, в ресторанах — знаменитые городские кутилы, каждый тост которых сравним был с высокой поэзией, а после шумных футбольных матчей на стадионе «Динамо», где даже в проходах не оставалось свободного местечка, болельщики могли до утра разбирать по косточкам деяния каждого футболиста, а тем более — судьи. Не было тогда страха бродить ночью по его удивительно красивым улицам, не было уродства зарешеченных ныне тбилисских окон. Ночной Тбилиси жил полной жизнью. Поэтому и называли наш город вторым Парижем...».

Это была наша последняя встреча. Придя домой, я зашел за «машинку» и, как говорится, одним залпом отпечатал мой первый очерк о любимом и уважаемом Павле Асланиди.

Утром материал лежал на столе редактора «Свободной Грузии», о чем и сообщил по телефону Павлу Васильевичу, стремясь лишний раз не беспокоить его, зная о его слабом здоровье.

— Я хотел бы посмотреть очерк, — сказал Павел Васильевич, — как бы не проскочила какая-нибудь неточность.

На все мои просьбы принести очерк к нему домой, он отвечал отказом, сказав при этом, что сегодня должен быть на заседании бюро Совета ветеранов Федерации журналистов Грузии, членом которого он состоял, заодно и посмотрит мой материал. В тот же день, 28 сентября, мне позволили вечером и сообщили, что Павел Асланиди скончался.

Как рассказали после мои коллеги, Павел Васильевич пришел в редакцию, извинился за беспокойство, прочел внимательно мой очерк, остался доволен. Сам же подобрал и фото, улыбнулся, — «здесь я выгляжу помоложе и энергичнее». Чувствовалось, что он еще слаб после болезни, но был безмерно счастлив среди своих.

Мой очерк «Портрет тбилисца в лестничном интерьере», который должен был идти под рубрикой «Наш коллега — кандидат в депутаты», был опубликован в день похорон Павла Васильевича, но стал уже словом прощания...

По-моему, настоящих газетчиков-организаторов (так назовем редакторов) в Грузии в шестидесятые-восьмидесятые годы было трое — (кстати, все Васильевичи) — величественный Давид Васильевич Мchedlishvili, несколько печальный и замкнутый Михаил Васильевич Какабадзе и сверхэмоциональный Павел Васильевич Асланиди. Этих газетных мэтров высоко чтит наш журналистский корпус. К сожалению, двух последних уже нет с нами.

Многогранность, широчайший спектр чувств, от неподдельного гнева до чуть ли не наивных слез, всеохватывающая любовь к родному Тбилиси, к друзьям и коллегам, редкий дар чутко заглянуть в душу, расположить к себе, разговорить собеседника и по-настоящему понять людей разного возраста — от ребенка до глубокого старика — это и еще очень и очень многое отличало личность одного из колоритнейших тбилисцев — Павла Васильевича Асланиди. Не удивительно, что нас не оставляет чувство, что и после смерти Павел Асланиди остался среди друзей, так же, как и остались его шутки, остроты, неумная жизнерадостность, неповторимый и особенный, так называемый тифлисский

шарм. Более того, мы именно теперь горше и острее почувствовали его уход.

Познакомившись с Павлом Васильевичем в конце пятидесятих годов, когда я твердо решил стать журналистом, мы не расставались вплоть до последнего дня, когда его не стало. Он был для меня не только педагогом и редактором. Он был старшим другом, добрым советчиком и, я бы сказал, мудрым учителем жизни, которую он познал сполна.

Нас многое роднило. Поэтому всегда было о чем поговорить. У обоих детство было не из легких: нужда, безотцовщина, отсутствие «связей». В школьные годы увлекались кружковой работой, театром, в юности были старшими вожатыми в пионерских лагерях, у него — испанцы 1936 года, у меня — ташкентцы 1966 года. Затем комсомольская работа. Оба начинали журналистскую деятельность с юнкоров и были преданы профессии газетчика, беззаветно любили наш Тбилиси, где родились и выросли. В более зрелые годы вместе делили радости и печали, порой страдали от подножек, а иногда и от подлости партийной бюрократии. Однако никогда не держали камня за пазухой и быстро отходили от обид. Последние двадцать лет мы общались почти ежедневно. Бывали вместе и в совместных поездках и в кругу близких нам общих знакомых. По рекомендации Павла Васильевича меня приняли в 1975 году в Союз журналистов СССР и первое поздравление я получил от него же.

В общении Павел Васильевич — как лектор и редактор, депутат и член бюро горкома партии был беспредельно-прост, никогда не давил на собеседника. С ним было по-домашнему тепло и легко. Жизненного опыта у него было хоть отбавляй, и неудивительно, что многие из нас — его бывших студентов, а впоследствии и коллег, видели в нем опытного наставника.

Лекторская деятельность Павла Васильевича — это отдельная большая тема. Он, это чувствовалось во всем, весьма гордился университетской «нагрузкой». Читал нам лекции Павел Васильевич по вечерам, после редакторской «напряженки». Как правило, доставал из кармана свободно сидящего на нем пиджака разные сердечные лекарства, некоторые проглатывал, остальные обратно клал в карман. А через пару минут, забыв об усталости, о многих болячках, с юношеским задором преподавал нам урок газетного мастерства, при этом подчеркнуто важно сообщал, что, по

статистике, самая короткая жизнь у редакторов газет. Павел Васильевич читал нам курс по теории и практике советской печати. Его лекции всегда проходили живо, никогда не повторялись, ибо вместе с Павлом Васильевичем не входила, а влетала в нашу университетскую аудиторию тбилисская жизнь со всеми новостями, журналистскими байками и т. п. Он заражал нас энергией и радостным восприятием жизни. Его лекции часто выходили за рамки газетного искусства, ибо он действительно был талантливым человеком. Поэтому неудивительно, что Павел Асланиди был душой нашего студенческого журналистского амкарства.

Нам всем не забыть, как опекал нас, неоперившихся газетчиков, Павел Васильевич. Однажды он задумал выпустить студенческую газету «Молодой журналист» и вложил в эту идею столько времени и энергии, что просто диву даешься, как это удавалось при его занятости и постоянной нехватке времени. Газета получилась очень хорошей (это отметили многие знатоки) и осталась для всех нас еще одним добрым воспоминанием о Павле Асланиди. Здесь же необходимо отметить поддержку и помощь со стороны всей редакции «Вечернего Тбилиси» и особенно Аллы Стратьевой — опытного журналиста и прекрасного человека.

«Орлята» Павла Васильевича стали зрелыми журналистами: Виталий Церетели долгие годы после «Вечерки» работал собкором газеты «Заря Востока» в Москве, одиннадцатикратный чемпион Грузии по плаванию Борис Каменский редактирует в Санкт-Петербурге спортивную газету, там же работает Ирина Бондаренко. Лариса Трудкова сотрудничает в Грузинформе, здесь же заведует фотосектором Борис Болквадзе, Алла Козляковская — на киностудии «Грузия-фильм», Циури Чомахидзе — в Гостелерадио Грузии, Феликс Крымский стал одним из лучших фотокорреспондентов. Было чем похвастаться перед Павлом Асланиди и автору этих строк — около трех тысяч газетных материалов, несколько брошюр и две книги о грузинских генералах и адмиралах. Этим перечнем мне хотелось показать, что лекторская деятельность Павла Асланиди была небезуспешной.

Павел Васильевич был настоящим зубром-газетчиком, причем весьма ревностным. Всеми правдами и неправдами (был у него такой грешок) стремился удержать у себя в редакции способных журналистов, из года в год обещая

им штатную должность при почти постоянном отсутствии вакансий. Попасть в те годы в штат редакции было счастьем для каждого из нас — начинающих журналистов. Увы, достаивались этого лишь единицы. Однако и те, кто годами пытался покорить вершину асланидиевской «Вечерки», но так и не удосужился войти в заветную элиту штатных сотрудников, уходя в другие редакции или же на другую работу, зла на Павла Васильевича не держали, ибо «Вечерка» для всех была не только журналистской, но и жизненной школой.

Атмосфера благожелательности, подлинной коллективности, высокого духа соперничества, созданная благодаря неординарной личности Павла Асланиди, постоянно притягивала к «Вечерке» лучшие журналистские кадры столицы Грузии.

С Павлом Васильевичем можно было открыто обсуждать любые вопросы, высказывать сокровенное, шутить до упаду, рассказывать анекдоты. Он тонко понимал юмор, а это удел немногих. Да и он сам иногда мог такое «выкинуть», что глаза на лоб лезли. Хорошо помню забавный эпизод периода моих студенческих лет, а именно 1964 год.

Так вот однажды, после возвращения из поездки по Италии, Павел Васильевич после лекции говорит мне:

— Старик, останься, я покажу тебе по секрету кое-что, только ты об этом никому, понял! И затем показывая мне фото, добавляет: — Как тебе нравятся эти два толстяка?

Поначалу я не совсем разобрался, что к чему. На фото запечатлены скульптуры двух стоящих лысых толстяков, с закинутыми нога на ногу на фоне разнообразных фонтанов. И оба толстяка фонтанируют из «потаенного» мужского места. Ну, а затем последовал взрыв хохота. Второй-то толстяк оказался нашим Павлом Васильевичем.

Этот необычный эпизод, говорящий о доверии между лектором и студентом, к счастью для меня, был далеко не единственным. И спустя время, когда я, уже будучи дипломированным журналистом, всюю грыз непростую вечеркинскую науку «асланидизма», а затем работал помощником первого секретаря Тбилисского горкома партии, Павел Васильевич не раз высказывал свое, наболевшее, делал прогнозы, давал оценки тем или иным событиям, характеризовал некоторых партийных руководителей и других власть предержащих деятелей, и все это в таких точных, жестких выражениях, что вслух такое мог произне-



сти лишь уверенный в том, что услышавший их—именно тот человек, которому можно было доверить многое, возможно, даже очень многое, если не все. Я весьма ценил столь доверительное отношение к себе и старался отплатить стоицей.

К сожалению, немало из его откровений, суждений, прогнозов, оценок сбылось. Просто удивительно, как он мог, подобно шахматному гению, предусмотреть многое из того, с чем мы столкнулись в последующие годы, а плоды пожинаем и сегодня. Много тогда было хорошего, светлого, возвышенного, но было и немало того, что унижало человека.

Он был частицей царившей Системы, точнее — выкормлен ею. Система, которая держала всех в узде, не допускала вольнодумства. Приходилось нередко лавировать, чтобы удержаться в седле.

Павлу Васильевичу часто доставалось на «ковре» в горькоме партии и почти всегда несправедливо. Приходилось видеть его живое, доброе, лукавое лицо каким-то землистым, безжизненным после взбучки на бюро горькома. Он мужественно терпел несправедливость, даже от тех, кто не годился ему в подметки. Недруги, хоть их были единицы, отравляли жизнь не только Павлу Асланиди. Бывало, попадало и мне. Замечая мое взволнованное состояние, он тепло улыбался и говорил:

— Старик, не вешай носа. Пройдет. Меня столько раз в жизни били, а я вот не согнулся, держусь.

Да, он держался... Держался, хватаясь за валидол, разноцветные сердечные таблетки, которые всегда носил с собой. Странное было время. Партийная бюрократия, чинущи нередко доводили номенклатуру до инфарктов, инсультов и т. п. Часто торжествовала несправедливость. Все все видели, знали, но продолжали какую-то идиотскую «игру», по капле высасывающую из всех нас жизненные силы. Дальше домашних разборок, кулуарных переживаний дело не шло.

Хотя было бы несправедливым не сказать, что вспоминается и очень много хорошего. Особенно праздник «Тбилисоба». Мне явно повезло — я всегда был в эпицентре тбилисобских торжеств. По заданию руководства партийных органов республики и ее столицы мне в течение нескольких лет доводилось бывать в октябре в Москве для приглашения и организации приезда наших именитых земляков на «Тбилисоба».



Надо было видеть Павла Васильевича в эти чудесные октябрьские дни. Он успевал бывать буквально на всех мероприятиях «Тбилисоба». Лицо его светилось счастливой улыбкой, он весь преобразался.

— Старик, — не раз говорил П. В. Асланиди мне, — это ведь мои друзья детства, юношеских лет, у нас столько есть, что вспомнить...

И, действительно, можно было почерпнуть немало интересного и поучительного из бесед старых тбилисцев. Они по-дружески беседовали в любую свободную минуту, но этих минут, к сожалению, было не так уж и много. Уважаемые гости, прибывшие на два-три дня спецрейсом в родной Тбилиси, были до предела загружены многочисленными мероприятиями и, конечно же, сказочными банкетами.

...Старый Тифлис всегда славился своими колоритными горожанами. Существовало емкое, почти поэтическое слово — калакели. Это слово из восьми букв можно легко перевести, но буквальный перевод не передает смысла того, что спрессовано в этом слове. «Калакели — это, — как говорил Павле Асланиди, — наше братство, наша дружба, любовь и вера в лучшие человеческие чувства. Это и наше право, и наша обязанность».

Павла Асланиди с детства окружала прекрасная когорта таких же, как он, настоящих тифлисцев. Каких только имен не было среди них!

Так, благодаря Павлу Васильевичу, я получил совершенно иной доступ в круг его близких и любимых друзей-тбилисцев, судьбой разбросанных по разным городам бывшего Союза. Из Москвы — это бывший первый машинист первой в мире детской железной дороги, крупный ученый в области космической техники, «сверхзасекреченный» Виталий Сокольский; бывший сорви-голова и гроза трамвайных хулиганов, хирург-кардиолог с мировым именем Владимир Бураковский; бывший боксер и «свой» парень, ответственный работник ЦК КПСС Лев Оников; автор знаменитого плаката «Родина-мать зовет!» художник Ираклий Гоидзе, бывший специалист по нардам писатель Георгий Мдивани, из Ленинграда — легендарный руководитель БДТ Георгий Товстоногов вместе с не менее легендарным артистом, бывшим тбилиским тюзовцем Евгением Лебедевым; из Новосибирска — крупнейший ученый в области теплотехники Самсон Кутателадзе, из Баку — сын известного рыбака и духанщика на Рике знаменитый певец Ра-

шид Бейбутов и композитор Ниязи Таги-заде, из Еревана — самобытный художник Вагаршак Элибекян и лирик по духу, доктор физических наук Тина Асатиани, любимец тбилисских и ереванских кутил народный певец неповторимый Глахо Захарян...

Павел Асланиди любил людей ярких, неординарных, одаренных, всегда подчеркивал дружбу с ними. Особенно часто он их вспоминал, когда ему было тяжело.

— Вот видишь, старик, — говорил он не раз, — от кого эта телеграмма, от Найденкова, заместителя Генерального прокурора СССР, это редчайшей чистоты человек, вот какие, у меня друзья. Найденков всегда поддерживал своего тбилисского друга в тяжелые минуты.

Павел Асланиди остро переживал смерть Найденкова, доверительно говоря мне, что его просто съели недруги, погубила Система, в которую он никак не уложился своей честностью и принципиальностью.

Упомянув Москву, хочу привести один забавный эпизод. В 1972 году в составе правительственной делегации, в которую, естественно, вошел и Павел Васильевич, я побывал в Москве, где проходили дни союзных республик, посвященные 50-летию образования СССР. Тогда я работал в Госкомитете Совмина Грузии по науке и технике, где наряду с другими обязанностями курировал и ВДНХ Грузинской ССР.

Как самому молодому члену делегации, да и к тому же журналисту, мне поручили подготовить к этим торжествам красочный буклет об успехах нашей республики, а также составить тексты выступлений для руководства делегации. При этом сказали, что нашими шефами в Москве будут Дзержинский и Бабвшкинский районы столицы и необходимо изготовить инкрустированные по дереву портреты Дзержинского и Бабушкина, что мною и было сделано.

Руководству делегации понравились и буклет, и тексты выступлений, и портреты. Я же, довольный, что все задания выполнены, заранее, с подарками выехал в Москву, где спустя два дня встречал нашу правительственную делегацию на Курском вокзале. Были речи, аплодисменты. И вот официальный прием уже в Бабушкинском районе. Выступления, аплодисменты, и затем я отдаю портрет Бабушкина руководителю нашей делегации, который торжественно собрался передать его первому секретарю райкома пар-

тии. Тот посмотрел на портрет и робко спросил: — «Кто это?».

— Как кто? Ваш Бабушкин, — был ответ.

— Это не наш Бабушкин...

Не буду утомлять читателя подробным изложением всех последующих за этим событий. Скажу кратко. Этот московский район носил имя не известного рабочего-большевика Ивана Васильевича Бабушкина, биографию которого я и вложил в текст выступления и портрет которого мы изготовили, а пионера полярной авиации Михаила Сергеевича Бабушкина, Героя Советского Союза, погибшего в авиакатастрофе в мае 1938 года.

Я понял, что никто из присутствующих на этих торжествах толком не слушал грузинских выступающих, не раз упоминавших имя Ивана Бабушкина. Павел Васильевич, который в это время раздавал специальный красочный номер газеты «Вечерний Тбилиси», узнав об этом курьезе, вытащил меня, ошарашенного случившимся, из зала в коридор и так долго заразительно смеялся, что у него даже выступили из глаз слезы.

— Ну, старик, тебе хана! — сквозь смех и слезы говорил Павел Васильевич. И тут же начал меня успокаивать: «Ты не виноват, а руководство виноватым никогда не бывает, так что все утрясется...».

Не могу не сказать несколько слов о супруге Павла Васильевича глубокоуважаемой Елене Надареишвили. Супруги не только создали прекрасную семью, вырастив детей — Ираклия и Эку, ставших замечательными врачами, но они чудесно дополняли друг друга, теплом своих сердец притягивали к своему домашнему очагу большой круг друзей и товарищей. И мы, еще будучи студентами Павла Васильевича, видели в лице Елены Надареишвили нашего единомышленника, старшего друга. Эта супружеская чета являла собой пример истинного подвижничества.

Пожалуй, не так уж много примеров можно привести из нашей обыденной жизни, чтобы супруга после смерти своего мужа сделала столько, сколько сделала Елена Надареишвили. Не раз и не два она собирала у себя дома друзей Павла Васильевича, скромно и с достоинством отмечает дни его рождения, добилась открытия мемориальной доски на доме, где он жил, вложила в издание этой

книги, приуроченной к 80-летию со дня рождения П. В. Асланиди свои скромные средства и огромный труд, изыскивает средства для создания журналистской премии имени Павла Асланиди.

СЕРГО ДЖОРБЕНАДЗЕ,  
профессор.

## НА ЗЕМЛЕ СКАЗОЧНОЙ ЭЛЛАДЫ

Человеком с удивительной энергией и размахом был Павел Асланиди. При каждой встрече от него исходили любовь и тепло, счастье бытия. Он не мог не проявлять воодушевления и радости при этих встречах разве лишь тогда, когда его что-то волновало особенно болезненно.

Он находил время для всех, интересовался делами каждого, и в радости, и в горе всегда был рядом. Гордился детьми, в особенности же успехами сына.

Тбилиси — родина его матери — был его любовью. Любил и гордился Грецией — родиной его отца, которая оставила столь глубокий след в истории человечества.

Павел Асланиди неустанно и бескорыстно заботился о греческих политэмигрантах, особенно об их детях, считая это первоочередным делом. все делая с большим тактом и скромностью, изредка давая почувствовать, сколько трудностей приходилось преодолевать для их трудоустройства и образования. Со своей стороны, мы, в пределах возможного, поддерживали его в этом стремлении.

Павел Асланиди был признанным лидером тбилисских греков, и они часто выражали уважение и благоговение перед его именем.

Беззаветно влюбленный в Тбилиси, он имел полное моральное право быть редактором городского официоза. Однажды газета «Вечерний Тбилиси» опубликовала критический материал о жизни Тбилисского государственного университета, вызвавший нашу обиду, в то время ведь критика в газете приравнивалась по своей силе к критике городского комитета партии. Слух о нашей реакции дошел до Павла Васильевича через нашего общего друга Акакия Каранадзе. После этого Павел Асланиди попросил замечательного журналиста и гражданина Владимира Харазова

просматривать и готовить материалы, поступающие в газету об университетской жизни. Именно в результате этого решения будущий историк в газете «Вечерний Тбилиси» того периода, когда ее редактировал Павел Асланиди, может найти немало интересного о жизни университета.

Многое меня связывало с Павлом Асланиди. Позволю, однако, ограничиться приятным воспоминанием эпизода двадцатилетней давности.

С 23 апреля по 2 мая 1977 года грузинская делегация находилась в Греции. Состав делегации был «усилен» за счет московских преподавателей, среди которых были две москвички, летчицы, Герои Советского Союза. Греки им уделяли усиленное внимание. Среди нас тоже был герой, но Герой Социалистического Труда — Гиви Цитлидзе. Он неоднократно прославлял нас и находил выход из самых сложных ситуаций, благодаря остроумию и находчивости.

Я не знаю, как выглядит природа Греции в другое время года, но трудно представить что-либо прекраснее того, что я увидел в апреле—мае. Мы не скрывали своего восторга, Павел Асланиди слушал все это с довольной улыбкой. После всей увиденной красоты я пожурил Павла Васильевича, дескать, как можно было столько времени не знать этого. И он, как ребенок, оправдывался, говорил, что года три назад во время морского круиза был в Пирейском порту.

Какое путешествие без курьезов! Гиви Цитлидзе устроил нам сюрприз. Грузинка из деревни Натанеби вышла замуж за грека. В 1919 году новобрачные решили повидать родителей мужа в Греции. Так и остались там с тех пор. Воспитали 4-х дочерей. Мать привела к нам двух дочерей, настоящих красавиц. От всего сердца приглашали они нас к себе, повторяя всего несколько грузинских слов, которым выучила их мать. Г. Цитлидзе привез им фотографии родителей и знакомых. Все это очень взволновало их. Я сказал матери девушек:

— Хорошо, что не забыли грузинский язык.

Обидевшись, сохраняя гурийский говорок, она ответила, мол, с чего бы это ей забыть грузинский?

Двенадцать членов делегации были приглашены к ним домой, и среди них Павел Асланиди. После возвращения он рассказал мне об этой счастливой греко-грузинской семье.

Однажды днем, когда мы отдыхали, вернулся с прогулки по городу профессор О. Джапаридзе. Он рассказал,

как из окна его зазывала женщина. Павел Васильевич воспринял этот рассказ почти с обидой.

— Не может быть, — говорил он, — чтобы эта женщина была гречанкой.

Любопытство взяло верх, и вечером мы пошли прогуляться именно на ту улицу. По всем антропологическим данным было видно, что гетера была именно гречанка. Павел с улыбкой махнул рукой и тем самым молча признал, что и гречанка может заниматься древнейшей профессией.

Греки гордились, что их соотечественник — главный редактор тбилисской газеты, и только слегка пожурили за незнание греческого языка. Павел Васильевич же парировал, говоря, что его сын изучает греческий язык и то, что связано с греческой культурой. Сын оправдал все надежды отца.

Павел Асланиди вместе с Еленой Надареишвили создали замечательную греко-грузинскую семью. Павла Васильевича беспокоили события, происходившие в Грузии в последние годы.

Я же и сегодня переживаю от того, что из-за болезни не смог проводить его к месту вечного покоя, тогда, когда приняла его священная для него грузинская земля.

АРСЕН ЕРЕМЯН,

заслуженный журналист Грузии.

## КАК ДАНАИДЫ В СТАРИНУ

Начну с начала, с прекрасного далека, когда я получил первое редакционное задание.

Был месяц май — лучшая пора в Тбилиси. Сажу в салоне «Волги» известного тренера по боксу и добросовестно переносу увиденное на бумагу. Мы побывали в Дидубе и Грма-Геле, подвезли дочь хозяина машины к музыкальной школе в Сололаках, и всем знакомым он объявлял, что у него в машине пишет статью корреспондент.

Не мне одному приходилось работать в некомфортных условиях. Редакция «Вечерки» была напротив здания ТБИИЖТа, говорили, что сверху оно имеет форму серпа и молота — обязательной атрибутики того времени. Миновав тесный двор, посетитель попадал в редакцию, в две комнаты, где готовили русский дубль газеты «Тбилиси».

Потом производственные площади уменьшились до одного стола; работая за ним, можно было уткнуться ненароком в черную, как смоль, шевелюру штатного переводчика или в необъятную грудь молоденькой сотрудницы, которые тут же, на краю стола, что-то строчили в номер. На тесноту никто не жаловался, понимая, что трудности эти временные. Нас всю жизнь этому учили. Вопрос помещения редакции положительно решался сверху. «Вечернему Тбилиси» быть! Ждали приезда редактора из Москвы — Павел Васильевич заканчивал высшее журналистское образование. Скоро он приехал — напористый, молодой, склонный к полноте. А меня ждали первые радости и огорчения на выбранной стезе.

Заметку свою я сдал, как положено, и прилежно посещал лекции. Ее поставили в первый номер, но редакционный художник решил блеснуть клишированным заголовком; цинкография подвела, не выдала в срок. На этом неприятности не кончились. Мой дебютный материал наряду с другими попал к штатному сотруднику редакции, порядочному сухарю, и он ничтоже сумняшеся прошелся по чужим работам недрогнувшей рукой «мастера». У меня пострадало начало, своеобразное стихотворение в прозе. Стилисту тогда крепко досталось от редактора. На заре моей туманной журналистской деятельности меня дружно назвали будущим редакцией. Некоторое время я этим был чрезвычайно горд, забывая, что сегодняшнее яйцо лучше завтрашней курицы.

Здесь я несколько опережаю события, спрессованные в добрый десяток лет, выбирая эпизоды, возможно, не самые яркие и интересные, но одинаково дорогие моему сердцу.

Семь редакторов знал я по совместной работе, но Павел Асланиди запомнился больше. Может быть, потому что был первым для нас, еще не зрело знающих работу, как сказал поэт, вместе мечтающих о славе; и некоторые действительно угодили в прицел, но и остальные мазилками себя не считали, как данаевы дочери, изо дня в день наполняя водой бездонную бочку газеты — по классическому определению Карела Чапека. Нам одинаково нравилась в первом номере «Журналиста» статья академика Иосифа Кассирского «Человек создан без запасных частей» — о трудностях журналистской профессии, где она, со своими требованиями универсальных знаний, ежедневными стрессами и потерями, приравнивалась по трудности к шахтер-



скому труду, за который сегодня не платят ни копейки. По молодости нас даже не шокировало в журнальной статье утверждение (ничего себе напутствие для первого номера), что в силу вредности профессии продолжительность жизни среди журналистов самая короткая.

Павел Васильевич, будучи не намного старше, по газетному обычаю называл нас стариками и не скупился говорить, как любит. Видимо, так оно и было.

Помню, как взял он на руки моего годовалого сына, впервые пришедшего в редакцию, и годовалый ребенок доверчиво прижался к гладко выбритой щеке. «Ни к кому не шел, а редактора сразу признал», — ревниво заключила прекрасная половина «Вечерки». Растроганный Павел Васильевич гостя без подарка не отпустил, выйдя с нами на улицу, выбрал в соседнем магазине белый беретик.

Любимчиком его я все же не был, семьями мы не дружили — сказывалась разница в возрасте, как говорится, детей с ним не крестили, ограничиваясь служебными обязанностями, но отношения оставались уважительными. Как-то раз он с сожалением и даже досадой сказал: «Я не нашел ключ к твоему сердцу». До сих пор испытываю неловкость, вспоминая свой ответ, показавшийся мне тогда остроумным, но, увы, несправедливым, а он, думаю, обиды не помнил. Однажды признался, что рассказал обо мне студентам журфака — он читал им курс теории и практики советской печати, а что именно — умолчал. Кто-то из великих заметил: мужчину интересует больше то, что о нем думают, женщину — что о ней говорят. В нашем случае интерес представляло и то, и другое.

Он обожал неизбежные розыгрыши. Помню, завел меня в свой кабинет и спросил, хочу ли я выехать в командировку. Эта новость почему-то не вызвала у меня всплеска эмоций. Довольный Павел Васильевич, в лучших традициях детективного жанра, вытащил из-под стола магнитофон и дал послушать в записи мой унылый ответ.

Он умело повышал тонус редакционной жизни. Его знаменитое «В двери редакции стучатся» не пугало катастрофой увольнения с нищенски оплачиваемой должности, а было скорее игрой, желанием держать форму коллектива. В пятидесятые-шестидесятые годы легче верблюду было пройти сквозь игольное ушко, чем новобранцу попасть в штат. Помню, как в горькоме партии не утвердили в должности заведующего отделом нашего молодого товарища, облачившегося по такому случаю в свою лучшую сорочку.

Партийный божок произнес при этом классическую фразу: «Хорошо писать — не самое главное». Почему-то с удариением на первом слоге глагола. Такой пассаж огорчил редактора, который сам двери редакции открывать не спешил. Видимо, его благие пожелания расходились с его возможностями. В один прекрасный день позвал меня и предложил: «Пиши заявление о предоставлении тебе квартиры. Будешь жить в доме ЦК». Я, удивленный, упрашивать себя не заставил, и он спрятал заявление в лязгнувший засовами сейф. И опять что-то не работало.

Я потом ушел в другую редакцию. Трехкомнатную квартиру в новом доме ЦК мне выделило другое ведомство, но я от нее отказался. Шла постыдная война в Афганистане. На рыжих перевалах бензиновыми кострами горели советские танки и бэтээры, мстительные духи лезли из каменных колодцев, неся смерть и увечье шурави, непрошеным пришельцам с севера, «выполняющим интернациональный долг». Сын мой служил в армии, в частях горной пехоты, формально числясь снайпером, и меня волновало одно — чтобы он поскорее живым вернулся домой. Так я остался жить в родительском доме, внесенном в реестр исторических памятников Старого города.

Как замечено не только мною, мне и рубля не накопили строчки, но журналистика одарила радостью встреч с людьми, вспоминая которых я чувствую себя богатым и счастливым. С годами отсеивается шелуха необязательных слов и отношений, отличаешь золото от позолоты, забываются сиюминутные обиды, остается тепло и щедрость человеческого общения.

Павел Асланиди чаще вспоминается не в президиуме юбилейного заседания десятилетия «Вечерки» в Концертном зале Руставели и на скромном товарищеском ужине в «Иверии», не за редакторским столом, за которым он подписывал к печати наши материалы, в кабинете, представлявшимся таким огромным. Мне он открылся в вечернем разговоре по душам, на его квартире, что напротив высокой доминошной костяшки отеля «Аджария», строительство которого так его огорчало. Он достал альбом ранних своих публикаций в «Гудке», где трогательные немногословные рабкоровские письма соседствовали с проблемными очерками собкора по Закавказью. Рассказывая, он не делал скидки на размеры публикаций, подтверждая, что в журналистике нет мелочей, есть мелочные люди.

Помню, одну из традиционных редакционных встреч.

У нас в гостях—создатели фильма «Иные нынче времена», он тогда только начинал победное шествие по экранам. Несколько недель назад мы с Котэ Макаридзе побывали в селе Дигоми, где снимались последние кадры. Одолеваемые одышкой Васо Годзиашвили и Сергей Мартинсон потешно сражались в дорожной пыли за поруганную справедливость. Красавица невеста из бедняцкой крестьянской семьи спасалась на фэртоне от сексуальных домоганий сластолюбивого князя...

На широком балконе господского дома сидим и слушаем Софию Чиаурели, еще не отдохнувшую после отснятого эпизода, не снявшую грим...

Теперь она в редакционном кабинете.

Как молод Арчил Гомиашвили. Он пока не Остап Бендер, не владелец элитного московского ресторана, он взволнованно говорит, какая это честь для него сниматься у Михаила Чиаурели. «Перестань, пожалуйста, — машет рукой Михаил Эдишерович, — меня Сталин называл лучшим кинорежиссером».

Могучий Хорава с улыбкой наблюдает за этой сценой.

Я сижу рядом с Верико Анджапаридзе, смотрю на прекрасное лицо княгини, нет не княгини — царицы. «Угощай!», — делает мне отчаянные знаки Павел Васильевич, и я кладу ей на десертную тарелку самую красивую грушу и самую красивую виноградную гроздь. «Спасибо, деточка», — говорит она, слушая тост хозяина кабинета.

Он в своей артистической стихии, говорит не переставая, хлебосольный сын старого Тбилиси, устабаши газетного амкарства. Господи, как давно это было.

В последнее время мы виделись редко. Он, по обыкновению, куда-то спешил с неизменным портфелем под мышкой — в ЦК, как некогда говорил знакомым и сослуживцам, и мы знали об этой невинной мистификации и не осуждали, ведь и без этого значительным и интересным он был всегда, только с годами выглядел бледнее обычного, и костюмы, которые носил с особым изяществом, становились широки ему в талии. Но как бы ни спешил, выкраивал минуту-другую для разговора, и в этом проявлялись не только понятное человеческое внимание, но и интерес газетчика ко всему новому, им он оставался до последнего дня.

Так случилось, что я вернулся ненадолго в коллектив «Вечерки», о которой помнил с любовью и светлой печалью.

В тот день в редакцию позвонили коллеги-журналисты и сказали, что Павлу Васильевичу плохо, очень плохо. В канун октябрьских праздников он пришел в газетно-журнальное издательство на заседание ветеранов журналистов, на свое последнее производственное совещание, обсудить обязательные, как они считали, дела.

Он тихо лежал в кабинете на диване, впервые куда-то не спеша. А потом мы осторожно, чтобы не потревожить его, спускали с пятого этажа носилки, и страшная новость, опережая нас, катилась лавиной по этажам, достигая улицы, где стояла «скорая», и она ничем не могла помочь.

На следующий день, за редакционным столом, на котором было личное дело нашего первого редактора и материалы его домашнего архива, я писал «правительственный» некролог, втискивая обязательные слова в прокрустово ложе официального сообщения, понимая, как тяжело говорить о нем в прошедшем времени, снова чувствуя себя осиротевшим.

ШОТА ЗАРДАЛИШВИЛИ,

генерал-майор.

### ЧЕЛОВЕК С ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ

С Павлом Асланиди меня связывало многолетнее знакомство и, можно сказать, теплая дружба. Он был истинный тбилисец и пронес через всю свою яркую жизнь нежную любовь к родному городу. Жаль, что ушел он безвременно. Много добрых дел мог бы еще сделать на благо нашего города, но завистники и недоброжелатели перевернули его жизнь. Способный журналист, истинный профессионал, на протяжении многих лет преданно и самоотверженно руководивший своим детищем — газетой «Вечерний Тбилиси», был незаслуженно освобожден от занимаемой должности. Недруги не прощали того, что Павел Асланиди на протяжении всей своей жизни боролся против несправедливости.

Павел Васильевич был решительным человеком. Свое дело знал блестяще, его публикации всегда были актуальны. Чувствовалось, что для этого человека самым главным

в его деятельности всегда было благополучие Тбилиси и тбилисцев. Он безмерно радовался даже самым незначительным успехам в жизни его родного города.

К сотрудникам редакции был требовательным и вместе с тем проявлял к ним большую сердечность и внимание. Павел Васильевич создал образцовую семью, каждый член которой старался сеять добро.

Больно, что безвременно ушел от нас добрый, отзывчивый друг, настоящий профессионал своего дела. Это — большая утрата для нашего города. Хочется верить, что в Тбилиси будет помнить его еще очень, очень долго.

ДЖУНА КВАРАЦХЕЛИЯ,

общественный деятель.

## СЛОВО О ДРУГЕ МОЕЙ ЮНОСТИ

Очень приятно вспоминать минувшее, если оно наполнено счастьем и радостью общения. Но такие воспоминания вызывают и грусть и надолго оставляют печаль о днях минувших. Именно к таким воспоминаниям относится время, проведенное в обществе Павла Васильевича Асланиди — «Павлика», как ласково называли его близкие, друзья. Дни, наполненные бескорыстной дружбой, радостью общения с человеком, одаренным редким даром создавать вокруг себя атмосферу дружелюбия и доброжелательности.

Прирожденная любознательность и какая-то детская наивность в житейских повседневных вопросах делали общение с Павлом Васильевичем легким, приятным, притягивали к нему и связывали прочными узами дружбы на долгие годы.

А все началось с книг. Однажды, случайно зайдя к соседям, я оказался в комнате, которая буквально была забита книгами. Здесь было все: книги для детей, фантастика, серьезная политическая литература и огромное количество художественной. Все книги были подобраны знатоком с большой любовью истинного книголюба.

Я сразу попросил разрешение пользоваться личной библиотекой Павла Васильевича и этой просьбой завоевал его дружбу. Всех, кто любил и ценил книги, Павел Васи-

льевич считал хорошими людьми и искренне привязывался к ним.

Павла Васильевича можно было беспокоить в любое время. Он был готов быть рядом, если то, что вы предлагали, было ему по душе. Таким предложением стала для редактора газеты «Вечерний Тбилиси» просьба оказать помощь и содействие юным журналистам Республиканского Дворца пионеров и школьников. Отказать он не мог, и в прекрасный день первого сентября 1964 года был избран почетным председателем клуба юных журналистов Дворца.

Сейчас, спустя много лет, я с большой теплотой вспоминаю тот день. С раннего утра царило оживление в правом флигеле Дворца. Здесь был расположен парадный вход в Зеркальный зал, в котором проводились торжественные встречи и праздники. В один из таких праздников превратилась деловая встреча учащихся Дворца с Павлом Васильевичем Асланиди. Он рассказал о работе руководимой им газеты, интересной и увлекательной для молодежи профессии журналиста, трудностях, с которыми сталкиваются журналисты в своем повседневном труде. Павел Васильевич ознакомился с работой редакции пионерской газеты «Газапхули», с маленькой, но собственной типографией Дворца, где сами учащиеся печатали свою газету. Прошло много лет, но и сейчас, знакомясь с тем номером «Газапхули», в котором юные корреспонденты описывали встречу с Павлом Васильевичем, чувствуется уважение и любовь детского коллектива к маститому журналисту.

За многие годы дружбы мне довелось встречаться с Павлом Васильевичем в различных обстоятельствах: были ли это служебные контакты или дни отдыха, когда мы с ним вдвоем проводили досуг. Очень часто, поздно вечером, вернувшись домой, Павел Васильевич приглашал к себе посмотреть книжные новинки, ведь, как правило, домой он возвращался, нагруженный книгами, и, просматривая прессу и книги, вдруг предлагал: «Давай пройдемся по городу».

Надо сказать, Тбилиси он любил искренне, знал его прекрасно, часами мог рассказывать интересные истории и предания о различных уголках города, о нравах и обычаях разноязычного населения Тбилиси. И, конечно, о детях, к ним он всегда был неравнодушен. И мы выходили, часто прогуливались пешком по ночному Тбилиси; шли в парк «Муштайд», занимали там столик и сразу же оказы-

вались в центре внимания у завсегдатаев парка. Ведь здесь, как, впрочем, и во всем городе, у Павла Васильевича было множество знакомых и почитателей. Дружеская беседа продолжалась до поздней ночи и, возвращаясь домой, мы часто оправдывались перед супругой Павла Васильевича, что не собирались задерживаться, что мы только на минутку на огонек зашли в парк, а вот задержали друзья и добрые воспоминания.

Однажды Павел Васильевич пригласил меня на дружеский ужин. У него был гость — один из старых знакомых, приехавший в Тбилиси издалека. Мы решили поехать на Тбилисское море и там вчетвером провести вечер. Уютно устроившись у камина, Павел Васильевич решил дать возможность гостю послушать народные грузинские песни, пригласив музыкантов.

В разгар импровизированного концерта, узнав, что здесь Павел Васильевич с гостями, к нам на минуту заглянул батони Зураб Анджапаридзе и, к величайшей нашей радости, решил задержаться с нами.

Много воды утекло с тех пор, много различных событий произошло, но невозможно забыть тот вечер. Павел Васильевич, как никто, умел создавать атмосферу веселья. Зураб окончательно присоединился к нашему застолью, и мы дружно организовали такой импровизированный концерт, о котором очень долго вспоминали с огромной радостью, о нем рассказывали друзьям и близким, как под лунной танцевали грузинские танцы, распевали с завсегдатаями ресторана народные песни и лишь под утро, когда уже всем было невмоготу, решили вернуться домой.

Такие вечера были редки, но они были такие непосредственные, искренние и полные большого человеческого чувства и мужской дружбы. Когда среди друзей Павла Васильевича речь заходит о нем и его семье, то сразу же возникает образ его верной спутницы жизни — уважаемой Елены Артемовны Надареишвили.

Елена Артемовна — всегда спокойная, уравновешенная, доброжелательная — сдерживала чрезмерно эмоциональные порывы Павла Васильевича, создавала атмосферу непринужденности. И сейчас она всегда с дружеским вниманием готова встретить друзей Павла Васильевича, быть с ними рядом, разделять радость и горе, она не дает возможности почувствовать, что с ней рядом нет Павла Васильевича, восполняя потерю вниманием и заботой о нас, его друзьях.

Идут годы, жизнь вносит свои поправки, блекнут многие воспоминания о прошлом, но образ Павла Васильевича остается в сердцах его друзей и, проходя по бывшей Пекинской и увидев мемориальную доску у входа в дом, где он жил и творил, чувствуешь радость от того, что человеческая память сохраняет дорогие нам образы.

АЛЕКСАНДР КИКНАДЗЕ,

писатель.

### ПАМЯТЬ СЕРДЦА

На титульном листе первого экземпляра моей книги я сделал следующую надпись: «Павлу Асланиди, грузину с греческой фамилией, от грузина, родившегося в Персии, на русском языке написавшем книгу об Италии — с сердечной теплотой, благодарностью, выразить которые словам не под силу».

Дарственные надписи напыщенны. Но здесь не было никакого преувеличения.

Однажды, в конце пятьдесят четвертого года, ко мне в редакцию газеты «Бакинский рабочий» позвонил незнакомец и представился:

— Здравствуйте, с вами говорит корреспондент газеты «Гудок» по Закавказью Павел Васильевич Асланиди. Хочу с вами встретиться.

— Сегодня я на работе допоздна. Приходите, пожалуйста.

— Я не хочу говорить с вами в рабочей обстановке.

— Тогда приходите вечером ко мне домой. Запишите, пожалуйста, адрес и телефон...

— Я бы хотел побеседовать с вами с глазу на глаз. Я закажу, хотя, извините, но я уже заказал столик на вечер в ресторане «Интурист».

— В котором часу вас ждать?

— Что-нибудь значительное и неотложное?

— Для вас — да. А если хотите знать правду, то я именно для этой встречи и приехал.

— Вы меня заинтересовали, Павел Васильевич, восемь часов вечера — подходящее время?



— Вполне. Я буду ждать у самого последнего столика в углу, как войдете в зал, тут же, с правой стороны.

Навстречу мне поднялся невысокий плотный мужчина. В его глазах были любопытство и доброжелательность и еще что-то такое, о чем я догадался позже — чисто асланидиевское. Долго ломал голову над тем, что же скрывалось за этим «что-то еще...», искал слова и в конце концов понял — ум, наделенный способностью мгновенно схватывать сущность вопроса, что способствовало становлению его как редактора самой популярной газеты «Вечерний Тбилиси».

Павел Васильевич сказал, что приехал из-за меня. Не успел спросить, почему. Он тут же все объяснил. Сначала задавал обычные вопросы о жизни, учебе, работе, матери. Затем завел разговор об отце. Беседа была прервана неожиданным событием. Маленький оркестр исполнял попури из только что вышедшего индийского фильма «Бродяга». Недалеко от нас сидела небольшая компания. Один солидный гражданин встал, раскачиваясь, приблизился к музыкантам и загремел:

— Кончайте эту глупость, не люблю такую музыку, давайте «Очи черные», — и демонстративно начал копать в бумажнике; тут же взял со стола тарелку, положил на нее довольно приличную стопку денег и вернулся на свое место.

— Вы что, не понимаете доброго слова? — по слогам, громко и четко, так, чтобы было слышно всем в зале, произнес обиженный верзила.

Следующая сцена была разыграна прямо-таки для кино. Слабые музыканты, как по команде, оставили свои инструменты, строевым шагом спустились с эстрады и буквально обрушились на него. Видимо, ребята были хорошо натренированы. Незнакомцу скрутили руки за спину и, подбадривая друг друга «Раз, два — взяли», потащили к дверям «жертву», надавали ему пинков и спустили с лестницы. (Крики пострадавшего слышались откуда-то снизу). Музыканты вернулись на свои места и продолжили мелодию, будто и не случилось ничего, поглядывая на дверь и готовые к новому отпору.

— Если бы каждый мерзавец знал, что ему так быстро придется понести наказание, наверное, все на этом свете было бы иначе, — хриловатым голосом произнес Павел Васильевич, не переставая думать о том, что про-

изошло. Несколько позднее он вновь вернулся к прерванной беседе.

Я должен был идти в редакцию на ночное дежурство. Однако мой новый знакомый совсем не спешил, и я постепенно взглянул на часы.

Наконец он произнес:

— Я приехал потому, что узнал, вы, оказывается, по отчеству Васильевич, а отец ваш — Василий Парнаозович, ведь так?.. Так я и думал. В свое время его вместе с группой командиров отослали из Тбилиси в Баку для усиления азербайджанского отдела дорожной милиции. Я не ошибаюсь, не так ли?

— Мы приехали в тридцатом на пять лет.

Мой собеседник затаил дыхание. Затем он сказал:

— Не продолжайте, остальное я знаю.

Он постучал пухлыми пальцами по столу и покрутил стакан.

Я знал, что рано или поздно услышу об этом, но не от совершенно постороннего человека.

— У вас был хороший, честный и бесстрашный отец... Вы знаете, редакция поручила мне... Одним словом, я должен был ознакомиться с документами шестнадцати-семнадцатилетней давности. Среди них были бумаги, касающиеся и вашего отца, Василия Парнаозовича. После этого я встретился с двумя ответственными работниками. Наша встреча и эта бумага — результат разговора с ними, — он достал из бокового кармана аккуратно вчетверо сложенный лист бумаги.

— Было бы хорошо, если бы вы прочли и подписали.

Невольно вспомнилось: когда я учился в восьмом классе, один смелый журналист написал обо мне в очерке «Отличник учебы». Какую радость я испытал, когда газета появилась в школе. После того я потерял всякий интерес к тем, кто вместо меня писал и подписывал.

Я испытывающе взглянул на своего собеседника, затем спросил:

— Вы и вправду из-за этого приехали?

— Разве это не веская причина?

— Спасибо... — ответил я и расписался.

Ответ, который я получил в первых числах пятьдесят пятого, заставил отнестись с глубоким уважением к Павлу Васильевичу Асланиди, неожиданно показавшему мне, что такое профессиональная солидарность.

Асланиди меня заинтересовал, мне захотелось узнать о нем побольше. И вот что я узнал. Будучи учеником 9-го класса 11-й тбилисской средней школы, Павел стал директором первой в нашей стране Тбилисской детской железной дороги. Хотя железная дорога и была узкоколейной, однако дела там были поставлены на широкую колею. Ребята работали машинистами, стрелочниками, начальниками станций. Девочки — проводницами и диспетчерами. Молодежь по-настоящему вовлекалась в дела будущей профессии, т. е. именно к ее ранней профориентации. Не посчитать, сколько мастеров и начальников Закавказской железной дороги дала эта Детская железная дорога. И не удивительно, что все они первым своим наставником, учителем и другом считали «товарища Павла».

А вот и отзывы воспитанников ДЖД о своем первом начальнике:

— Он обладал способностью увлечь не только ребят, но и их родителей. По призванию был организатором, а по увлечению — железнодорожником.

— Умел сочетать настроение с требовательностью. В первую очередь он был требователен к самому себе, а потом к другим.

— С его мнением считались не только учащиеся, но и руководители Закавказской железной дороги, шефы Детской железной дороги. Проектирование и строительство ее было довольно трудным делом. Оно требовало не только материальных средств, но и большого душевного напряжения, иными словами, энтузиазма. Когда Павел брался за дело, можно было быть уверенным, что «дело будет доведено до конца».

— Хорошо знал психологию детей, не боялся «горячих голов». Не в пример некоторым руководителям, не изгонял из детского коллектива так называемых «двоечников школы». У него были постоянные контакты с родителями и учителями. Ребята встали на путь исправления, шли учиться в железнодорожные техникум и институт. Павел не разрывал контактов с ними и после, а с некоторыми из них и по сей день. Говорят, что человек тем счастливее себя чувствует, чем больше добра сеет. Только такой человек способен чувствовать все разнообразие жизни и радость, только такой человек может разделить с тобой горе (назовите мне другого такого человека, умного, честного, у которого все было бы так собрано в единое. Не перенапряги-

те зря свою память, если даже вспомните такого, я вам не поверю).

Значит, так, он был еще корреспондентом «Гудка», когда с ним произошел один случай. Павел не попал бы в эту переделку, если бы не привычка во всем убеждаться самому, все пропустить через себя, прежде чем донести что-либо до читателя.

Павел спешил в гости к линейным сторожам — девяти братьям Гудадзе, чтобы написать о них очерк. Он сидел в кабине машиниста электровоза. Состав вот-вот должен был выскользнуть из тоннеля, как вдруг ему захотелось сделать оригинальный снимок: в темноте запечатлеть залитую огнями трассу. Не спросив разрешения у машиниста, он вылез наружу и... воздушная волна тотчас же сбила его с ног, он упал вниз. Взвизгнули тормоза, его в бессознательном состоянии подняли и понесли. Пульс еле прослушивался. Ребра были перебиты. Павел долго лежал в больнице, прикованный к койке в ожидании долгой и сложной операции... А в «Гудке» давно уже не появлялось столько очерков, зарисовок, корреспонденций за подписью П. Асланиди. Сейчас, когда уже прошло довольно много лет, я хочу разрешить себе открыть небольшую тайну: на моего коллегу работал почти весь корреспондентский корпус, который был аккредитован в Тбилиси. В газете об этом, конечно же, знали, но, как я уже говорил, Павел обладал удивительным умением располагать к себе и знакомых, и незнакомых. Так и случилось... Павел Асланиди многим благословил путь как в железнодорожный транспорт, так и в журналистику. Огромно количество тех журналистов, которые пришли в редакцию газеты «Вечерний Тбилиси» стыдливими мальчишками, а стали мастерами пера. У многих из них почетные звания, даже лауреатов...

...Раньше редакция «Вечернего Тбилиси» помещалась в тупике, рядом с редакцией «Зари Востока». Достаточно было ступить ногой в кабинет, как Павел Васильевич тотчас молча хватал меня за руку и тащил к лестнице в конце тупика... Потом поднимался на две-три ступеньки и, как только мы оказывались на такой высоте, обнимал меня и говорил:

— Здравствуй, Саша!

И я, крепко обняв его, отвечал:

— Здравствуйте, батано Павле!

Потом он возвращался к своим обязанностям.

— Куда мы сегодня? — спросил, как обычно, в один из февральских дней тысяча девятьсот шестьдесят девятого года.

— Сегодня меня принимают в Союз писателей Грузии.

— Как только узнаешь о результате, сразу позвони, я буду ждать и никуда не уйду.

После того, как зачли рекомендации Георгия Гулия, Георгия Мдивани и Льва Кассиля (они столько приятных слов мне написали, что меня совесть и по сей день мучает за такое возвеличение) и отзывы рецензентов, началось собеседование. Все шло на грузинском языке. Незабвенный Бесо Жгенти заинтересовался, где и в какой обстановке я выучился грузинскому языку. Вместо меня ответил Реваз Джапаридзе (вспомнил, что в Чхери и по сей день стоит мой дом и что моя русская мать хорошо знала грузинский), не пожалел добрых слов и Григол Абашидзе. Затем задали вопросы о кавказских и пиренейских иберах (в то время были опубликованы несколько глав будущего романа). В моей речи предложения, видимо, не всегда были правильно составлены. Затем велели подождать результатов тайного голосования.

На улице Мачабели, на третьем этаже «абитуриенты» возбужденно ожидали своей участи. Я разговорился с одним молодым человеком. У него был светлый взгляд, и мне показался несколько высокомерным поэтом. Он уверил меня, что совершенно не волнуется, потому что если за такие стихи его не примут, то кого же тогда надо принять в писатели?

Прошел слух, что результаты голосования уже подытожены. В это время из комнаты, где заседала комиссия, вышел мой хороший друг Гиви Гогичаишвили, прошел мимо меня невозмутимо, даже не улыбнувшись, будто не заметил. Кто-кто, а уж он все знал о результатах.

Тогда я, не простившись ни с кем, неторопливо двинулся к гостинице. Как советуют люди глубокого ума, лучше было думать о вещах более приятных, нежели о переживаниях последних минут.

Только вернулся в номер, как раздался телефонный звонок. Наверное, кто-то из друзей, подумал я, узнав обо всем, старается меня утешить, скажет, что еще не все потеряно, что солнце светит, земля крутится... Я решил не брать трубку. Телефон упрямо звонил. В конце концов, подняв трубку, я услышал знакомый хриловатый голос:

— Куда ты пропал? Целый час звоню. Ты что же, думаешь, у меня других дел нет? Как это кто говорит? Ты что, от счастья друзей не знаешь?

— О каком счастье говорите?

— Как, ты даже не знаешь, что тебя единогласно приняли?

— Откуда вы знаете, Павел Васильевич?

— Только что мне позвонил Гиви Гогичаишвили, он и сам тебя ищет. Позвони ему прямо в Союз, а потом, только попозже, мне.

Я позвонил Гиви.

— Саша, извини, ты зря на меня обиделся. Знаешь, в чем дело, этого поэта, что с тобой беседовал, не приняли в Союз. Поздравить тебя одного, согласишься, было бы бес тактно в отношении того парня. Когда мне сказали, что ты ушел, я тотчас позвонил Коте и Этери. Думал, ты остановился у них... Ну, сам знаешь, зачем... Не знаешь? Она же не меньше твоего волновалась...

В тот вечер мы были втроем: Георгий Васильевич Бединеишвили, Павел Васильевич Асланиди и я.

Георгий Васильевич, который уже давно интересовался моей работой и моей писательской судьбой, сказал:

— Что думаешь делать дальше?

— Завтра же пошлю телеграмму в «Советский спорт» с просьбой об освобождении с работы.

— Чтоб не пришлось потом жалеть. У тебя же большая семья, в газете же хорошая оплата, и ты давно с ней связан.

— Друзья, наверное, удивятся, — добавил Павел Васильевич. — Но тебе лучше знать. Не бойся ничего.

Это случилось давно, но я и сейчас хорошо помню не только его слова, но и интонацию, с которой они были произнесены.

г. Москва.



ЛАДИ КОБАХИДЗЕ, заслуженный журналист Грузии.

### ГРУЗИН С ГРЕЧЕСКОЙ ФАМИЛИЕЙ

Действительно, так и называли батони Павле Асланиди: грузин с греческой фамилией. Есть люди, которых не забывают. Долгие годы мы сотрудничали в Союзе журналистов. Почти двадцать лет Павел Васильевич был заместителем председателя Тбилисской организации журналистов. Его замечательная, активная деятельность завоевала в обществе большое уважение и любовь. Он обладал удивительным свойством сопереживания чужому горю. Радости близких вызывали в нем глубокое удовлетворение.

Помню, на бюро райкома стоял вопрос о моем исключении из партии, а что это значило в то время, знают все. Мы собрались в кабинете батони Коли Джаши, редактора газеты «Тбилиси». Было решено, что на бюро райкома вместе со мной пойдут Павел Асланиди, Коля Джаши и Отар Иоселиани, в то время заместитель Джаши.

Надо было видеть, какой огонь разожгла на бюро райкома эта «великолепная тройка». В мою пользу были приведены все возможные аргументы. Они говорили взахлеб, перебивая друг друга. Даже в такой острой ситуации Павел Васильевич остался верен себе, не потерял чувства юмора:

— Смотрите, какие мушкетеры защищают нашего Д'Артаньяна, — воскликнул он.

Все рассмеялись. Атмосфера разрядилась. На том и расстались...

Всего и не припомнить. Расскажу еще об одном случае. У моего сына разболелось ухо. Началось воспаление. Узнав об этом, Павел Васильевич поднял на ноги все медицинские светила, прислал машину, и я отвезла сына в больницу. Вечером в палату вошел батони Симон Хечинашвили, осмотрел больного и с улыбкой сказал: «Если что-нибудь с ним случится, Павел Васильевич на меня «разгневадается». Его все уважали.

Однажды нам довелось вместе отдыхать в Саирме. Почти все время мы проводили вместе. Там я узнала еще об

одном замечательном качестве Павла Васильевича: он был заботливый отец и влюбленный супруг. А надо отметить, что его жена — калбатони Лена Надареишвили, заслуживала того.

## КАРЛО МЕГРЕЛИШВИЛИ,

председатель Совета ветеранов Тбилисской мэрии, заслуженный инженер Грузии.

### ОН ОСТАЕТСЯ ЧАСТИЦЕЙ НАШЕГО ГОРОДА

Было бы неправильно употреблять в отношении Павла Асланиди слово «память», т. к. мы его никогда не забываем. Такие люди, каким был Павел Асланиди, разносторонний, наделенный редкой гармонией, невероятно гуманный и скромный, — не подлежат забвению.

О том, насколько высокого уровня профессионалом он был, как журналист, как редактор газеты, сказано много и еще не раз об этом напомнят нам его коллеги. Мне хотелось бы рассказать об этой замечательной личности, как бы со стороны, с позиций человека, стоящего далеко от его профессии. В 60-е годы я работал председателем исполкома бывшего Орджоникидзевского района г. Тбилиси, и редакция газеты «Вечерний Тбилиси» территориально находилась в этом же районе.

Редактор Павел Асланиди всесторонне освещал на страницах своей газеты многочисленные городские проблемы, всячески стремился уделять больше внимания злободневным проблемам района. Этому способствовало и то обстоятельство, что супруга Павла Васильевича, Елена Надареишвили на протяжении многих лет на общественных началах безвозмездно работала в нашем райисполкоме и весьма активно помогала решать перспективные задачи, стоящие перед районом, систематически поставляла нужную информацию газете «Вечерний Тбилиси».

К чести Павла Асланиди, надо сказать, что он обладал удивительным свойством — увидеть собственным глазом, что делается на важных объектах города, будь это строительство, благоустройство культурно-бытовых учреждений и т. п., что затем переносилось на газетные полосы и, ес-

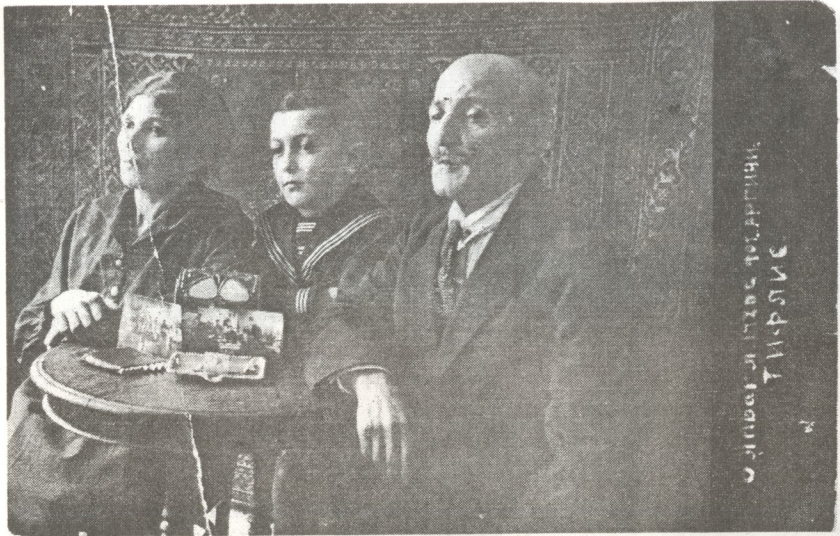


тественно, придавало публикуемым материалам больше достоверности, убедительности. Это качество не покидало его до конца жизни. В 70-е годы, когда я уже работал зампредом Тбилгорисполкома и занимался вопросами строительства и благоустройства города, Павел Васильевич был нашим частым гостем, регулярно встречались мы и на объектах городского хозяйства.

Наряду с гуманными и человеческими качествами Павла Асланиди отличали высокая принципиальность и требовательность, когда это касалось публикации материалов на страницах газеты. Он самоотверженно боролся за человека, попавшего в беду. Нельзя не отметить, что Павел Асланиди от природы был щедро наделен уникальным чувством юмора, что еще более располагало к нему. Даже в конфликтной ситуации Павел Асланиди своим юмором, к месту сказанным словом или соответствующим сюжетом, мог снять нервное напряжение и создать приятную ситуацию. Это помогало ему во взаимоотношениях с людьми.

В 1992 году, когда стало известно, что тогдашний мэр г. Москвы — тбилисский грек — Гавриил Попов приезжает в столицу Грузии, Павел Васильевич попросил меня устроить встречу с ним во время осмотра мэром города Отаром Литанишвили и гостями хода возрождения знаменитой тбилисской первой школы, которая строилась с помощью Москвы. Дружеский разговор двух именитых земляков прошел в деловой обстановке и остался приятным эпизодом.

В последние годы, когда Павел Асланиди после ухода на персональную пенсию покинул редакторскую должность и занялся другой работой, он по-прежнему продолжал проявлять интерес к проблемам тбилисского городского хозяйства, часто приходил в мэрию с интересными, полезными предложениями и советами. Даже тогда, когда здоровье Павла Васильевича ухудшилось, он продолжал общение с нами, заботился о городе и горожанах, до конца отдавал всю свою энергию и способности делу, ради которого он пришел в этот мир.



Павлик Асланиди со своими родителями - Марией Луарсабовной Коринтели и Василием Ивановичем Асланиди. Тифлис, 1925 г.



Павел Васильевич с матерью. Цхалтубо, 1950 г.

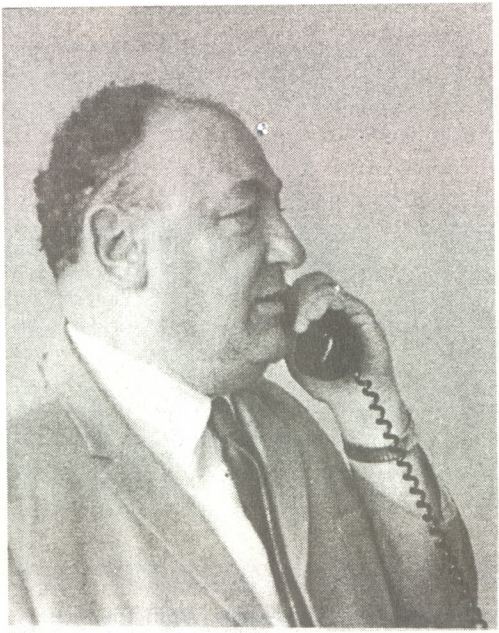
Годы молодые.



Романтик Павел.



От собственного корреспондента центральной газеты советских железнодорожников "Гудок" по Закавказью до редактора столичной газеты "Вечерний Тбилиси".





Павел Асланиди с Еленой Надарейшвили - рядом и на всю жизнь.



С дочерью Эхой. Тбилиси, парк Победы.



1969 г. вместе с Иржи Ганзелкой.



Э. А. Шеварднадзе и П. В. Асланиди.



Дома и в редакции - всегда  
за работой.





Павел Асланиди, Ираклий Тоидзе, автор легендарного плаката “Родина - мать зовет” и Леван Долидзе на празднике “Тбилисоба”, 1982 г.

Встреча в редакции после возвращения из Палестины академиков Георгия Церетели, Акакия Шанидзе и Ираклия Абашидзе.







Павел Асланиди с патриархами грузинской науки.

Слева направо: академик Акакий Шанидзе, Павел Асланиди, академик Шалва Нуцубидзе и Владимир Харазов.





С академиком Нико Кецховели и сыном Ираклием.

Чемпион мира по шахматам Нона Гаприндашвили со своим тренером Михаилом Шишовым в редакции газеты "Вечерний Тбилиси".





Футболисты "Динамо" Тбилиси вместе со своим тренером Михаилом Якушиным на встрече с коллективом редакции.

Павел Асланиди со своими коллегами - "вечеркинцами". Здесь умели и работать, и дружить!





Известная греческая певица Иованна в редакции газеты “Вечерний Тбилиси”.

Кинорежиссерами, народными артистами СССР Александром Михайловичем Згуриди и Георгием Ираклиевичем Асатиани, Тбилиси, 1972 г.





Вместе с легендарной Ниной Аквсентьевной Жвания, Борисом Викторовичем Адлейба.

С Нателой Васадзе его связывала долголетняя дружба.





С создателями бессмертного "Отца солдата" Серго Закариадзе и Ревазом Чхеидзе.

Великий Аркадий Райкин вместе с Арчилом Гомиашвили и друзьями навестили Павла Асланиди в редакции.





Ленинградский Большой драматический театр в редакции газеты “Вечерний Тбилиси”, Владислав Стржельчик, Кирилл Лавров, Павел Асланиди, Евгений Лебедев, Ефим Капелян, Георгий Товстоногов.

“Тбилиси. Без тебя и жизнь мне не мила...” Павел Асланиди и Реваз Лагидзе.





В гостях у редактора "Вечерки" выдающийся советский полководец генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко, генерал-лейтенант Иван Иванович Юрпольский.

Друзья - журналисты: редактор газеты "Вечерний Тбилиси" Павел Асланиди, редактор газеты "Тбилиси" Отар Иоселиани и Леван Долидзе на празднике "Тбилисоба".







Так улыбаться и заразительно смеяться мог только он.

На открытии мемориальной доски Павла Асланиди; выступает старейшина грузинской журналистики Давид Мchedlishvili.





**ПЕРВАЯ ИЗ 49**

На Детскую железную дорогу мы приехали вместе с редактором «Вечернего Тбилиси» Павлом Асланиди и художником этой газеты Василием Чернышевым. А на дороге рельсы сняты, перроны захламлены, станции исчезли: идет полная реконструкция. Рабочие трудятся вовсю. А где же дети?

— Дети сейчас отдыхают на море...

Это говорит начальник дороги Автандил Рамазашвили. Прекрасно, что есть такая возможность — отладить дорогу без ребят. Но почему-то я больше на стороне Асланиди и Чернышева, которые ворчат:

— А мы в свое время все делали сами, до последнего винтика...

Автандил Рамазашвили — инженер-железнодорожник. По всему видно, любит детей.

— Какой же вы по счету начальник?

— Я шестой. А первым был (и он показывает на редактора «Вечерки») Павел Васильевич.

— Сколько же вам было лет тогда? — спрашиваю своего коллегу-журналиста...

— Пятнадцать... Учился в девятом классе.

А было это пятьдесят лет тому назад, в 1935 году, Тбилисские дети сами строили свою детскую железную дорогу, сами «работали» на ней, если что ломалось, чинили все сами. И начальником был мальчишка. В этом весь «смак».

Первый паровоз сделали «фабзайчата» с паровозового-гоноремонтного завода. Сейчас он стоит здесь в парке на приколе. На медной дощечке значится:

«Первый пионерский паровоз первой в мире Детской железной дороги. Тбилиси. 1935 год».

— Недавно я был в Москве на совещании начальников всех детских железных дорог СССР, — говорит Рамазашвили. — Знаете, сколько их у нас в стране? 49!

А «старички» Асланиди и Чернышев, словно они не в одной редакции работают и не видятся каждый божий день, ходят по взъерошенному парку вдоль дороги, вспоминают:

— А помнишь, как принимали наш с тобой эскиз станции Пионерская?.. А помнишь, как ездили в Москву на прием в МПС, как встречались с московскими школьниками?..

Припомнили первого машиниста Витю Сокольского, который сейчас крупный ученый в Москве. И покойного уже Алика Зедгенидзе, впоследствии профессора, и Верочку Дюбюк — первую девочку-машиниста. А бывший первый начальник политотдела Детской железной дороги Кирилл Папиташвили ушел добровольцем на фронт и пропал без вести...

Художник Василий Чернышев (он и на дороге был художником) тоже прошел всю войну рядовым.

Были дети, состоялись люди. Может быть, оттого состоялись, что не слишком их опекали, чаще говорили: «Делайте сами, все сами, только сами!».

**Журнал «Огонек», октябрь, 1985 г.**

ИЯ МЕСХИ, ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ.

## **ПИОНЕРСКАЯ — СОЛНЕЧНАЯ**

Летом 1935 года в Тбилиси открылась первая Детская железная дорога. Юные машинисты, начальники поездов и станций, стрелочники, телеграфисты, кассиры и перронные контролеры, одетые в форму, заняли свои служебные места. Послышался гудок паровоза. Застучали колеса... А вскоре после открытия группа юных строителей и эксплуатационников первой детской дороги приехала по приглашению народного комиссара путей сообщения в Москву.

На встрече с товарищем Л. М. Кагановичем ребята рассказали, как была создана первая детская дорога. Детям охотно помогали железнодорожники депо станции Тбилиси, рабочие паровозо-вагоноремонтного завода, студенты института инженеров транспорта. Про проектам школьников Васи Чернышева, Павлика Асланиди и Юни Полякова были возведены железнодорожные станции Пионерская и Радостная. Ребята привезли в Москву многотиражную газету «Дети Октября».



Приказом по НКПС в число действующих железных дорог страны тогда была включена первая Детская железная дорога. Начальником ее утвердили ученика 9-го класса тбилисской железнодорожной школы № 11 Павлика Асланиди.

Что сталося за это время с пионерами — строителями первой Детской железной дороги? Где они? Что делают?

Первый начальник Детской железной дороги, Павел Асланиди, ныне работает на транспорте, он — инженер-майор административной службы. Вера Дюбюк, ученица 6-го класса одиннадцатой железнодорожной школы. Она была первой в стране девочкой-машинистом.

Теперь Вера Викторовна Дюбюк — ведущий конструктор тбилисского завода «Станок».

Миша Арутюнов был начальником паровозной службы Детской железной дороги. Когда началась война, он вместе с товарищами по детской дороге обратился к начальнику управления Закавказской железной дороги с просьбой принять их на работу. Через несколько месяцев Арутюнов уже стоял на правом крыле паровоза — получил право самостоятельно водить локомотив.

После Отечественной войны Михаил Николаевич окончил институт инженеров железнодорожного транспорта. В настоящее время он — старший инженер паровозного депо Тбилиси.

С бывшим руководителем первой строительной бригады на детской дороге Аликом Зедгенидзе встречаемся в Тбилисском институте инженеров железнодорожного транспорта, на кафедре гидравлики. Кандидат технических наук Александр Сергеевич Зедгенидзе исследует на крупной модели реки созданный им новый тип берегозащитных сооружений железнодорожного полотна.

Нынешний начальник детской дороги, ученица 11-го класса Гулико Хуцишвили, приглашает гостей — первых строителей дороги — совершить поездку по железнодорожному кольцу через станции Пионерская — Радостная — Солнечная. Вера Дюбюк поднимается в будку паровоза и встает рядом с юным машинистом, учеником 8-го класса Зурабом Джабадзе. Она трогает рычаг, другой — кажется, не забыла...

Василий Чернышев и Юня Поляков, строители первой станции Пионерская, осматривают свое сооружение.

Этери Кобиашвили — первый начальник станции Пионерская — и сейчас чувствует себя здесь полной хозяйкой:



она уже 15 лет работает педагогом во Дворце пионеров и часто приходит с детворой на малую дорогу.

...Поезд набирает скорость. Скоро здесь, на этой платформе, соберутся юные железнодорожники Советского Союза. Они встретятся с теми, для кого эта малая дорога послужила дорогой в большую жизнь.

Пройдут годы, и они станут квалифицированными рабочими, мастерами, инженерами, чтобы передать эстафету следующему поколению.

**Журнал «Огонек», — июль. 1955 г. 20-летие со дня открытия первой Детской железной дороги в Тбилиси.**

ЛЕВ ОНИКОВ,

политический обозреватель ИТАР-ТАСС,  
почетный гражданин г. Тбилиси.

### ТЕПЛО СЕРДЦА

О Павлике писать и легко, и трудно. Легко потому, что он был цельной натурой — все в нем было ясно, очевидно. Трудно — из-за его эмоциональности, ранимости, внезапных переходов от грусти к раскатистому хохоту и, наоборот. Что в нем доминировало, так это дружелюбие, верность, традиционная для истинных тбилисцев, принципам дружбы. Ограничусь одним воспоминанием, связанным с таким же, как и Павлик, моим близким другом Котиком Енгояном — талантливым, известным в Грузии журналистом. Слава Богу здравствующему. Легче передать суть Павлика как великого друга.

История такова. Мы с Котиком вместе учились в Московском институте международных отношений. Окончив его на год раньше меня, Котик по своему усердию был распределен на работу в КГБ Армении. (Он читался тогда книг о легендарном полковнике Лоуренсе, Мате Хари и т. п. и был пленен романтикой разведки. Мои попытки

отговорить его от этого безумства ни к чему не привели). Спустя несколько месяцев Енгоян неожиданно приезжает в Москву ко мне, тогда еще студенту. Он был неузнаваем — в прострации, почти невменяем. «Спаси меня! Помоги уйти из КГБ. Там людей... бьют». Напоминаю — год 1951. «Если не уйду, покончу с собой». Он был в таком состоянии, что самоубийство да еще при его возбудимости не исключалось. Енгоян уехал, а мне чудом удалось узнать, что родная тетя нашего соинститутника Беника Юзбашева оказалась психиатром КГБ Армении. С помощью Беника, при ее содействии Котику удалось симулировать психическое заболевание, и он, будучи уволенным из КГБ, приехал в родной Тбилиси без малейшей в те годы надежды на работу где бы то ни было.

Опять звонки — помощи с работой. Мы тогда молодые до властных органов по возрасту не доросли. Единственный — Тенгиз Горделадзе на два года раньше меня окончивший МГИМО. Он стал помощником зампреда Совмина Грузии — Кучава. Тенгиз — человек очень принципиальный, верный принципам дружбы. Недозволенность моих настойчивых просьб к нему устроить Енгояна на работу я понимал. Котик был по тем временам прокаженный — отчислен из органов КГБ: да еще и «псих». Но Тенгизу удалось добиться согласия Павлика Асланиди, тогда редактора «Вечернего Тбилиси», органа столичного горкома партии, взять Котика на работу.

Я не случайно остановился на эпизоде об Енгояне. Согласие Павлика в те годы было подлинным подвигом. Павлик — грек по национальности, один из немногих, если не единственный грек в номенклатуре ЦК Компартии Грузии. Все греки в июне 1944 года были высланы из Крыма в Среднюю Азию. А в июне 1949 года греки с Черноморского побережья Грузии и Краснодарского края последовали за ними. И вот Павлик «номенклатурный грек» в тех условиях дает согласие взять на работу изгнанного из самого КГБ человека. Какая находка для любого негодя подставить под удар Павлика.

Проходит время, я уже работаю в Эстонии, изредка приезжаю в родной Тбилиси. В один из приездов опять все тот же Котик просит меня помочь восстановить его на работу. Павлик уволил его. Причина? Енгоян в силу своей

вздорности и рабской страсти к каламбурам грубо оскорбил Павлика. Иду к нему. Он мне говорит: «Лева, я не могу работать с человеком, который в присутствии всей редколлегии оскорбляет меня, редактора газеты». Я не мог с ним не согласиться и грубо «отделал» Котика. Очень грубо.

Не буду заниматься самокопательством, но получилось так, что меня убедили — единственный, кто может уговорить Павлика, — это Миша Гогичайшвили, тогда заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК партии Грузии. Светлая память тебе, дорогой Миша, большой ты был человек. Жизнь его оборвалась трагично — покончил с собой.

Захожу в его кабинет и застаю Мишу не в своем обычном виде — стоит у своего письменного стола и говорит одновременно по двум телефонам, третья трубка, так же снятая с аппарата, лежит на столе. Несмотря на столь необычное положение, увидев меня, прерывает на минуту телефонный разговор и бросает мне: «С приездом, Лева. Пока не расцеловались, предупреждаю: о Енгояне не проси». Несмотря на это, Миша все же уговорил Павлика на редколлегии вновь поставить вопрос об Енгояне. И этот болван Енгоян опять вновь неучтиво отозвался об Асланиди. Казалось бы, все кончено.

Перед отъездом из Тбилиси захожу попрощаться, как всегда делал, в редакцию к Павлику. И вдруг меня осеняет мысль. Говорю ему: «Павлик, ты хочешь стать первым и надеюсь последним человеком, который видит у ног своих на коленях просящего тебя Леву О니кова?» И я стал пригибаться. Павлик был ростом пониже меня. Он подхватил меня, обнял и взрывно зарыдал. Заплакал и я. Это были слезы дружбы. Его тронули мои просьбы, меня его всепрощение и верность дружбе. Таков был, Царство тебе Небесное, Павел Васильевич Асланиди, наш, как все мы его звали — Павлик.

Мы, тбилисские москвичи, часто добром вспоминали и вспоминаем о нем. И великий тбилисец Вова Бураковский, пока он был жив. И сейчас вспоминаем с Витей Сокольским, первым машинистом первого рейса, первого паровоза, первой в мире Тбилисской детской железной дороги, одним из инициаторов строительства которой был Павлик Асланиди. Сегодня Виктор Николаевич работает в Москве. Он действительный член очень престижной междуна-

ной Академии астронавтики (Париж). Вспоминаем о нем и с известным писателем Толей Гребневым, близким другом Павлика.

г. Москва.

МАКВАЛА ОСИШВИЛИ,

заместитель редактора газеты  
«Вечерний Тбилиси»

### ЖИТЬ, ЧТОБЫ ЛЮБИТЬ

Всегда безукоризненно одетый: белоснежные и реже — голубые сорочки, неизменные галстуки, легкий запах духов, Павел Асланиди, несмотря на полноту и невысокий рост, смотрелся элегантно. А о его пристрастии к красивым галстукам и запонкам в городе знали многие. Знаток утверждали, что аналогичной коллекцией мало кто мог похвастаться. В то же время он мог, не задумываясь, снять с себя отличный галстук или редкие запонки и тут же подарить даже мало знакомому, но понимавшему в них толк, человеку.

Из всех даров, которыми так щедро наделила его природа — молодость души, обаяние, невероятная коммуникабельность, высокая человечность — в работе верх брало чувство профессионального азарта. Он был прирожденным газетчиком. Рабочее утро начинал с просмотра республиканской газеты «Комунисти», редактором которой долгие годы был известнейший журналист Давид Мchedlishvili. Редко, но бывали моменты, когда Павел Васильевич откладывал газету и неизменно произносил фразу: «Ах, как он нас обскакал!». Уже через минуту перед ним стоял прощтрафившийся сотрудник. К чести Павла Асланиди надо сказать, за допущенный «прокол» он не снимал вины, в первую очередь, с себя. «Разнос» большей частью заканчивался новой идеей или новым сверхсрочным заданием. Я несколько лет работала его секретарем и не раз была свидетелем подобных ситуаций.

Как профессионал Павел Васильевич всегда был готов поддержать творческую инициативу, никогда не жалел



добрых слов в адрес автора, если ему нравился материал или публикация имела резонанс. Итогом моей командировки в Ленинград (ныне Санкт-Петербург) была газетная полоса о городе-герое, а через небольшое время — большая статья о Дороге жизни. Перед публикацией поздно ночью у меня дома раздался телефонный звонок. Звонил редактор. «Старуха, — так он обращался к нам, независимо от возраста, — читаю материал. Спасибо тебе. Растешь на глазах». Естественно, такие моменты никогда не забываются.

Павел Васильевич был на редкость непосредственным человеком, большим психологом, снобизм был чужд ему. С детьми он резвился, точно маленький ребенок, ну, а «звезд» — представителей политической, художественной или других сфер, очень часто посещавших редакцию, принимал по всем правилам этикета. Он умел создать особую атмосферу уюта, тепла, внимания, что привлекало к нему людей разных профессий, возраста и, скажем так, довольно высоких авторитетов. Гостями редакции были такие именитые люди, как Владимир Бураковский, Евгений Примаков, представители художественной интеллигенции Георгий Товстоногов, Евгений Лебедев... Наверное, нет необходимости перечислять всех, с кем Павел Васильевич дал возможность журналистам редакции пообщаться, увидеть воочию.

Воспроизвести или найти аналог его умению смеяться, думаю, невозможно. Смех заразительный, изнутри, когда смеялись и светились не только глаза, но и каждая черточка лица. Все это сопровождалось непередаваемой мимикой и жестикуляцией.

На него можно было рассчитывать. Сотрудник любого ранга мог совершенно свободно обратиться к нему за помощью, будь то билет на самолет или получение квартиры. А уж, если случилось в семье горе, то первым приезжал редактор. И тогда, как правило, все организационные вопросы решались при его личном участии.

Павел Васильевич умел слушать собеседника. Долгим, внимательным взглядом смотрел в лицо, улавливая все нюансы сказанного и недосказанного, мог тактично заставить сказать даже о том личном, о чем, конечно же, хотелось сказать, но...

Не всегда все шло гладко у редактора. Был период, когда осложнились его взаимоотношения с некоторыми работниками городского комитета партии, демонстрировавшими свою власть над газетой. Павел Васильевич не уходил

в кусты — сопротивлялся, спорил, убеждал и продолжал делать свою газету. Газету, за которой выстаивались длинные очереди задолго до ее поступления в киоски.

В свои 70 лет он не собирался стареть. Жил газетой, жил для газеты. Физически и морально резко сломался, когда был вынужден уйти на пенсию. И как после тяжелой болезни люди начинают учиться ходить, так и Павел Асланиди после ухода из редакции учился улыбаться, радоваться, учился ценить жизнь, но уже без своего детища — «Вечерки». К сожалению, жизнь без «Вечерки» оказалась слишком короткой...

### ЛАЗАРЬ ПИРАДОВ,

заслуженный журналист Грузии.

### ЧЕЛОВЕК ИЗ НЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Мне позвонили. Сказали, что готовится сборник воспоминаний о Павле Васильевиче Асланиди — к его восьмидесятилетию, — и что хорошо бы принять в нем участие.

Воспоминания — это всегда память о прошлом, о прошедшем времени. Для меня же и моих сверстников, его друзей, Павел Асланиди и после своей кончины остается в настоящем. Про Павла Васильевича (а для нас он всегда, от самой юности — просто Павлик Асланиди) не скажешь, что о нем остались лишь одни воспоминания, а значит — ничего не осталось, все исчезло — без остатка, бесследно, безвозвратно.

Нет, не скажешь. Не исчезло, осталось. Остался след в жизни.

Осталась, скажем, Детская железная дорога, построенная в Тбилиси в довоенные годы, и один из инициаторов, энтузиастов этого строительства — Павлик Асланиди. Это была первая такая дорога в стране, в тогдашнем (ныне уже бывшем) Советском Союзе. Остались люди, целое поколение людей, которые и сейчас помнят, как они и их одноклассники и однолетки строили маленькую, детскую, но во всем, во всех деталях, настоящую железную дорогу, а потом и сами запустили ее в эксплуатацию. Помнят тот

незабываемый день — это было большое и радостное событие, настоящий праздник, — когда по маленьким, но настоящим железнодорожным путям с настоящими семафорами и автоматическими стрелками пошел первый поезд, пассажирский состав с настоящим паровозом впереди, машинистом в железнодорожной форме, настоящими вагончиками, из окон которых высовывались веселые, оживленные, счастливые детские лица, а на станционных платформах стояли дежурные в красных фуражках с развернутыми зелеными флажками: путь свободен! Кто знает, возможно, для многих это была «зеленая улица» в жизнь, путевка в будущее, в труд, созидание, творчество. Спустя годы газеты, отмечая «круглую дату» пуска ДЖД, писали, что первым начальником этой дороги был Павлик Асланиди, тогда ученик железнодорожной школы. А сколько юных железнодорожников перешло потом с Детской железной дороги на настоящую, закончив Тбилисский институт инженеров железнодорожного транспорта или железнодорожный техникум, и продолжили свой жизненный путь на Закавказской железной дороге.

Осталась подшивка первой детской печатной газеты в Грузии «Дети Октября», юнкором которой был Павлик Асланиди. Многие дети Октября (а мы все были ими) начинали свою жизнь в журналистике на страницах этого детского печатного издания, став теперь известными в стране, в Тбилиси и в Москве, сценаристами, публицистами, политологами, очеркистами, репортерами. Их немало, и каждый хранит в памяти, как делались, писались и читались «Дети Октября».

И все, за что берется Павлик Асланиди, все что он делает, делает он с душой, можно сказать, самозабвенно, веруя, что нет сейчас более важного и более ответственного дела, чем то, которым он занят в данный момент, что в этом чуть ли не смысл всей жизни, если хотите, основа мироздания. Будь то сбор лекарственных растений, который стал массовым патриотическим движением пионеров и школьников Грузии, как и всей Страны Советов, в годы Великой Отечественной войны. Статистики, кажется, так и не подсчитали точно, сколько тысяч тонн целебных трав было собрано детскими руками и какому числу раненых бойцов помогли изготовленные из них медикаменты. Или будь то массовки, вступительные беседы перед спектаклями в Тбилисском театре юного зрителя, или вечера самодеятельности, конкурсы, карнавалы во Дворце пионер-

ров, где Павлик Асланиди — главный заводила, главный затейник, душа детского общества.

Его знают дети всего города, они любят его, тянутся к нему, как птенцы, слетаются на его затеи. Надо же обладать такой поразительной способностью собирать вокруг себя детвору, а потом и взрослых — таких же активистов, единомышленников, которым, как по цепной реакции, передается заряд его неистощимой энергии.

Но вот наступил момент, когда детские увлечения железной дорогой и печатной газетой-многотиражкой слились воедино — годы работы собственным корреспондентом всесоюзной железнодорожной газеты «Гудок» по все той же Закавказской железной дороге.

И, наконец, почти три десятка лет редактирования «Вечернего Тбилиси». Я бы сказал, что Павлик Асланиди — уникальный редактор, который не только подписывает газету в печать, но и сам раздобывает для нее информацию, охваченный азартом репортера: первым быть на месте события, первым узнать последнюю новость и первым сообщить сенсацию читателям.

Это помнит каждый в редакционном коллективе, в каждом коллективе, в который вливался и который формировал Павлик Асланиди. И каждый знает, что Павлика никогда не покидают вечные спутники его жизни — доброе отношение к людям, умение всегда находить для них доброе слово, постоянная готовность прийти на помощь: одному достать дефицитное лекарство, ребенка другого отправить в пионерский лагерь, а третьему выхлопотать железнодорожный билет до Москвы в плацкартном вагоне — в то время это было проблемой. Делать людям добро — призвание и назначение Павлика Асланиди, можно сказать, — сущность его жизни.

Не ошибусь, если скажу, что школу доброжелательности он прошел у Нины Аквсентьевны Жвания, под началом которой он проработал не один год и которая, как мне представляется, сама, одаривая людей сердечностью и теплотой, являла собой воплощение доброты. Именно в те трудные годы Павлик Асланиди возглавлял республиканский комсомольский штаб по сбору лекарственных растений для военных госпиталей.

Не надо подолгу копаться в памяти для того, чтобы вспомнить все то хорошее, что за многие годы сделал для каждого из нас Павлик — милые знаки внимания к нам, нашим детям, к нашим семьям. Ко дню восьмого марта,

если не букет цветов жене друга, то непременно телефонный звонок с самыми добрыми пожеланиями; в дни школьных каникул — традиционный пригласительный билет на Новогоднюю елку дочери соседа, поздравительные открытки иногородним знакомым к первомайскому празднику. Для всех у него находится время, никто им не забывает.

Не забыть и мне, как в первый же послеоперационный день в больничную палату к моей жене первым навестить ее пришел никто иной, как Павлик Асланиди, и то, как бережно, в обеих руках нес он две мисочки, положенные одна на другую, с еще теплыми, свежесваренными рыбками — «цоцхали», заботливо уложенными супругой Павлика, Еленой Артемовной, милой Леночкой Надареишвили — верной спутницей его жизни, хлопотливой хозяйкой дома, заботливой матерью, а теперь и бабушкой.

Не забывает и Павлик доброго отношения к себе, даже бытовые житейские мелочи держит в памяти. При всяком удобном случае вспоминает, как в тяжелые послевоенные годы мы, юношами, прибежали с ним к нам домой в обеденный перерыв, и моя мама сбивала нам яичницу из яичного порошка, а это в то время было большим лакомством.

А когда на девяносто девятом году жизни скончалась моя мать — Надежда Лазаревна Тумас-Пирадова, заслуженный работник культуры Грузинской ССР, участница многих всесоюзных и республиканских выставок народного творчества, как говорили в ту пору, «самодеятельная художница», занимавшаяся редким тогда искусством выжигания по дереву, — ее работы, портреты грузинских писателей и видных общественных деятелей были представлены во многих музеях Грузии — на другой день после ее кончины в «Вечернем Тбилиси» помещена была заметка «От каждого дня жди хорошего!» — это было любимым выражением Надежды Лазаревны, можно сказать, девизом ее жизни. Так и назвал свои заметки журналист В. Кайшаури (Владимир Харазов). Его фамилия стоит рядом с подписью редактора «Вечернего Тбилиси»: П. Асланиди.

Не будет большой неточностью, если скажу, что в Тбилиси — этом чудесном, сказочном городе, где я родился и вырос, городе нашей молодости, всей моей жизни (за исключением последних лет), в этом по-настоящему теплом городе, теплом даже по самому своему названию (ведь «тбили» — это по-грузински, как известно, — «теплый»), теплом не столько своими горячими источниками, сколько,

душевной теплотой своих горожан (а тбилисцы, скажу я вам, — люди особого склада), согревающих друзей, да и гостей города, радушием и легендарным гостеприимством; так вот, не будет чрезмерным преувеличением, если скажу, что в Тбилиси, столице Грузии, каждый второй и сейчас знает Павлика Асланиди. Не случайно же в городе бытует расхожая шутка по поводу того, что достаточно каждому приезжему, прямо в аэропорту или на вокзале, спросить, где живет Павлик Асланиди, как любой шофер такси, тут же доставит его прямо к нему домой.

Теперь к стене этого дома приделана мемориальная доска...

...Не верится. Именно поэтому, называя имя Павлика Асланиди, я всякий раз сознательно, преднамеренно опускаю такие слова, как **был, жил, работал**, слова, употребляемые в прошедшем времени.

Ведь Павлик Асланиди — человек из непрошедшего времени.

ТЕЙМУРАЗ СТЕПАНОВ,  
заслуженный журналист Грузии,  
писатель.

### «Я ОТ ПАВЛИКА»

Первая встреча ошеломила.

Вечерний Тбилиси был горяч, как крики верийского айсора, сменившего альфрейную профессию на ремесло газетного зазывалы. Он сидел на тюках нераспроданной «Вечерки» и выкрикивал позавчерашние новости.

Я проходил мимо, перегруженный дипломом юриста, мечтой о журналистике, безработицей и юной женой-москвичкой, не знавшей толком ни одного нормального тбилисского слова.

Мое блестящее знание этого чудесного языка не сбавывало. На пятом этаже здания, фундамент которого составлял парикмахер Жора, родной зять Сержика Параджанова и его непримиримый критик, меня не ждали. В редакции одной маленькой, но боевой газеты редактор возлежал на дермантиновом диване, как султан. Диван был

натруженным хранителем истории грузинской русскоязычной прессы. Его чрево распирало от желтых подшивок. В эпоху Куцы Какабадзе я, сын врага народа, обрыдал в этой газете смерть Сталина. Подшивки хранили мои рифмованные слезы, и это дарило мне маленький шанс. Но султан даже не привстал навстречу. Человек пришел с улицы, без звонков и рекомендаций, да еще робко упомянул диплом МГУ — можно ли давать такому работу?

— Сходи в «Вечерку», — сказала мама, — юная газета, и, говорят, добрый редактор. Какой-то грек. Почитай ему «Илиаду», что-нибудь про Елену Прекрасную — только гекзаметром. Может возьмет?

В «Вечерку» не хотелось. Вопли айсора-газетчика звучали, как крик отчаяния. Мне своего хватало. Но все-таки пошел.

В другом здании, на другой улице Верийского квартала, меня заключили в братские объятия. Конкретно — Эмиль Арамович Минасян — когда-то мы, как молодое вино, бродили в чаще стадиона «Динамо» — вложил в объятия задание съездить на ПэВээРЗэ и сделать очерк о передовике производства.

Передовик был чумаз, как его токарный станок, но в отличие от него — неразговорчив. Отдел кадров оказался словоохотливее. Тусклая анкета расцветилась гирляндой чужих метафор. Отдав очерк Эмилю, я занемог томлением сжидания. Не в силах совладать с ним, съездил на Храм-ГЭС к другу, не подозревая, сколь близко подошел к истокам асланидизма, где говорят «Аристотель», а подразумевают — «Павлик».

Но и спустя три дня айсорский крик отчаяния не сменился греческим хором надежды. Меня не было в газете, а значит, не было вообще.

— Все-таки сходи узнай, — сказала мама, — может, ты есть, только сам не знаешь?

Оказалось — я был! Обитая коричневым дермантином редакторская дверь распахнулась, как врата лучезарного будущего.

— Где ты, старик?! — вскричал мне навстречу приземистый, как-то очень по-домашнему мягкий человек с античными завитками на затылке. — Почему пришел ко мне только сейчас, а не год назад в Москве, где я учился в высшей партшколе? Твой материал стоит в номере! Мы им всем фитиль вставим! А завтра ты зачисляешься в штат!

«Завтра» растянулось на семь месяцев, но этого срока оказалось вполне достаточно, чтобы я мог ощутить себя человеком. «Вечерка», моя первая газетная колыбель, была переполнена весьма пестрым нестандартным народцем, а качал колыбель Павел Васильевич Асланиди. Он не пел колыбельную, но постоянно подносил фитиль, требуя зажечь его и вставить, кому следует. И многим это удавалось — к удовольствию крикунов, чьи возгласы «Ви-черни-е» уже не звучали криком отчаяния.

Первая встреча ошеломила. Вторая — окрылила. Третья — заставила задуматься о жизни. Всем своим существованием, манерами, биографией, связями Павел Васильевич побуждал к раздумьям о том, как надо, а точнее — как не надо жить. Он служил нам прекрасным путеводителем-гидом по запутанным достопримечательностям времени, которое, вопреки рогаткам Хачика-Главлита, я старался перекладывать на газетный язык, как сейчас видится — наивный и корявый. Но это было начало, а его началом была окруженная забавными яраловскими человечками редакторская подпись на последней полосе: П. В. Асланиди.

Мы были молоды и жестоки и не понимали, что человеческое сердце имеет свойство отзываться болью на несправедливости жизни. Но вот сейчас сам ловлю себя на мысли, что не могу вспоминать об этом без боли от потерь, которые мы все понесли с уходом из жизни нашего первого редактора.

Как бы ни складывались наши отношения с ним, какие бы оценки ему и друг другу ни выставляли мы в те годы — он был бесспорным лидером сообщества ярких, нестандартных личностей, и это тоже увиделось только сейчас. Он стимулировал, выявлял эту яркость своей личностью. Даже шутки, подчас очень злые — реакция протеста на давление извне, будь то с улицы Читадзе или из Крцаниси — провоцировались им. Даже то, что мы работали шутя и играя — бесценное качество профессионального журнализма — было его заслугой. Мой «Вечерний звон» — стенной пересмешник «Вечерки» — тому свидетельство.

Если бы меня спросили, что я почерпнул из источника Асланиди, то получился бы перечень скромных, но значительных для молодого человека тех лет стартовых житейских благ: работа для себя и для жены, заработок, жилье. Но мне хочется немного приподнять этот уровень. Так вот, благодаря «Вечерке» Павла Асланиди я получил такой до-



пуск в мой город, какой был бы немыслим в другой редакции. Мне вручили ключ к его непарадному жилью, к открытию удивительных лиц, судеб и характеров. Иные из них были прелестны, иные — ужасны, но если когда-нибудь напишется повесть о жизни, то значительную ее часть — значительную отнюдь не по объему — составят их истории.

Вместе с допуском в неизвестные тбилисские миры «Вечерка» Павла Асланиди дала мне окно, в которое позволила высунуть мое восторженное, но довольно наивное по тем временам журналистское лицо, а затем — окно в Европу, не говоря уже о других континентах, где прелестных и страшных лиц тоже хватало.

Однажды весной где-то в Табахмела какой-то мастер майской бугламы спросил меня:

— Вы от Павлика?

— Вы от Павлика? — спрашивали меня гроссмейстеры кузнечных наук, профессора бальнеологии, генералы тяги и маршалы потребкооперации, не говоря уже о героях социалистического и капиталистического труда.

— Не от Павлика, а от Павла Васильевича Асланиди, — строго поправлял я.

Сегодня, пожалуй, я не стал бы поправлять, а просто сказал бы: «Да, я от Павлика».

г. Москва.

ВЛАДИМИР ХАРАЗОВ,

заслуженный журналист Грузии.

### ТРИДЦАТЬ НЕЗАБЫВАЕМЫХ ЛЕТ

Павел Васильевич Асланиди — личность незаурядная. С детства, лишившись отца, он сам стремился пробить себе дорогу в жизни. В юности работал в Тбилисском русском тюзезе, затем был инициатором и строителем первой в мире Детской железной дороги в Тбилиси. Но подлинное признание он нашел в журналистике, которой посвятил всю свою яркую жизнь.

В этой «служебной лестнице» Павел Асланиди прошел, пожалуй, все ее ступени, начиная от собственного



корреспондента «Пионерской правды» по Грузии до редактора газеты «Вечерний Тбилиси». Причем этот высокий пост он занимал без малого тридцать лет. Право, далеко не каждый может похвастаться таким редакторским долголетием.

А начинал в послевоенной «Вечерке» он фактически с нуля, не имея, как и многие другие сотрудники, даже письменного стола. Но благодаря своим блестящим организаторским способностям он смог в короткий срок не только сцементировать дружный, дееспособный коллектив, но и создать все условия для активной деятельности редакции. И это с завистью подчеркивалось даже в редакции «Зари Востока» — главной русскоязычной республиканской газеты.

В конце пятидесятых-начале шестидесятых годов в стенной газете «Журналист», выходившей в «Заре Востока», была помещена весьма хлесткая карикатура в адрес редактора республиканской газеты, который с легкостью расправлялся с не угодными ему, но весьма талантливыми людьми. Карикатурист изобразил его стоящим на балконе второго этаже редакционного здания и выкидывавшего опытных журналистов. А на проспекте Руставели Павел Асланиди подхватывал лучших из них своими руками. Он понимал, что без коллектива профессионалов-единомышленников ему не справиться с высокими обязанностями редактора столичной газеты. Так, опираясь на опыт квалифицированных специалистов и энтузиазм молодых, строил свою работу Павел Асланиди.

Приведу лишь два эпизода. После триумфа на Московском международном конкурсе имени П. И. Чайковского прославленный американский пианист Ван Клиберна был приглашен в Грузию. И нужно было видеть, с каким восторгом встречал его Тбилиси. В аэропорту — весь цвет музыкальной общественности города, большая группа журналистов. Попробуй, в такой ситуации взять интервью у Вана Клиберна! И тогда Павел Васильевич предложил: «А что, если мы пригласим на подлете к Тбилиси Вана Клиберна в пилотскую кабину лайнера и попросим его ответить по радию на два-три вопроса нашего корреспондента?!».

Мы быстро набросили короткие вопросы и передали их по радию аэропорта на борт самолета. И какова была наша радость, когда услышали голос Вана Клиберна. Он

горячо благодарил «Вечерку» за приятный сюрприз и первую «встречу в воздухе».

«Прежде всего я благодарю «Вечерний Тбилиси» за предоставленную мне возможность познакомиться с членами экипажа самолета и увидеть их в работе. Я, как в сказке...», — сказал он. И тут же стал отвечать на наши вопросы. Поблагодарив за внимание, мы устремились в редакцию. Ведь материал о приезде прославленного пианиста шел в номер.

Второй эпизод связан с именем рекордсмена мира по прыжкам в высоту Валерия Брумеля. И вокруг него в журналистских кругах был большой ажиотаж. Описывать все встречи тбилисцев с Валерием Брумелем мы не стали. Избрали для освещения его пребывания на грузинской земле иной путь. По совету Павла Васильевича договорились об организации поездки Валерия Брумеля по колоритным уголкам старого Тбилиси, которая должна была завершиться в хинкальной. Валерий с радостью принял это предложение. Репортаж об этом и был опубликован в газете.

Рабочий день Павла Асланиди никакими рамками не был ограничен; до позднего вечера в кабинете редактора горел свет. Ведь нужно было прочесть большую стопку текущих материалов, и не только прочесть, но и тщательно отредактировать, считаясь, конечно, с творческой индивидуальностью автора. Для нас, журналистов, такой подход к делу имел большое значение, ибо каждый понимал, что редактора волнует профессиональная культура сотрудника газеты, его нравственная позиция, его ответственность за каждое слово.

Нельзя не отметить и тот дух, который царил на заседаниях редколлегии. Коллектив у нас в те годы был многочисленный, с большим активом нештатных корреспондентов, притом весьма дружный, горячий в работе. Но это не значит, что состоял он из людей однотипных по своим пристрастиям и характерам. Как правило, на наших заседаниях нередко возникали и горячие споры, высказывались критические суждения, оспаривались те или иные предложения. Павел Васильевич умел терпеливо выслушать каждого. Но, когда начинал идти разговор уже не в деловом русле, он как человек, обладавший неиссякаемым чувством юмора, метким словом или веселым, смешным сюжетом умел разрядить обстановку. И никто не оставался в обиде. Короче, редколлегия была в полном смысле этого слова органом

коллективного руководства, какой она и должна быть в каждой газете. А раз в коллективе достигнут творческий настрой, то и дела идут в гору.

С участием общественности наша редакция повела большую кампанию под девизом «За красоту и культуру родного города», выступила инициатором организации передвижных корреспондентских пунктов на строительстве Тбилисского метрополитена и железнодорожного вокзала, реконструкции старой части города и других особо важных объектов. Исходя из пожеланий читателей, вводились одна за другой рубрики, направленные на достижение образцового порядка в сфере обслуживания населения, борьбы с бюрократизмом, другими негативными явлениями в городе. Все эти начинания способствовали укреплению связей с читателями. В этом действенную помощь нам стали оказывать также Устные выпуски «Вечернего Тбилиси», проводимые в парках и во Дворцах культуры города с участием видных грузинских ученых, писателей, артистов, архитекторов и художников. Эти встречи, конечно, способствовали обогащению работы редакции.

Листая комплекты «Вечерки», видишь, как Его Величество Время исподволь и всегда властно влияло на нашу модель. Успевать бы за временем, а еще лучше — идти чуть впереди — вот к чему призывал коллектив «Вечернего Тбилиси» Павел Асланиди. Он всегда подчеркивал, что Тбилиси — город с богатейшими традициями, что столица Грузии — крупный политический, научный и культурный центр страны, что его жизнь теснейшим образом переплетена со всем миром. И это должно быть отражено в газете. Следуя этому курсу, мы стремились показывать разносторонние связи нашего города со всей страной. И как результат — среди подписчиков были многие жители Абхазии и Аджарии, городов Москвы и Ленинграда.

Целой эпопеей в жизни редакционного коллектива был поиск могилы великого поэта средневековья Шота Руставели. В развернувшейся на страницах газеты дискуссии участвовали видные грузинские руствелологи Шалва Нуцубидзе и Александр Барамидзе, Акакий Шанидзе и Корнелий Кекелидзе, Елена Метревели и другие ученые. Вслед за этим редакция опубликовала поступившее из Израиля письмо Сергея Лосева «О могиле Шота Руставели», повествующее о том, что последний период своей жизни великий поэт провел в Крестном монастыре Иерусалима, где и скончался. Там его могила. И вот экспедиция грузинских уче-

ных во главе с поэтом-академиком Ираклием Абашидзе направилась в Иерусалим. Была обстоятельно изучена вся местность, установлено, на какой именно из колонн монастыря мог быть сохранен портрет Шота Руставели. Ведь монастырь за многие века не раз подвергался реконструкции и обновлению. Очистив густой слой зеленой краски, которой давным-давно была покрыта одна из колонн, ученые обнаружили портрет Руставели, выполненный талантливейшей рукой неизвестного живописца. Цель редакции достигнута.

В октябре 1966 года по решению ЮНЕСКО весь мир отметил 800-летие со дня рождения автора поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. В честь этого события в Москве был открыт памятник поэту, а в Большом театре состоялся торжественный вечер. К этим дням наша газета выпустила специальный номер, который был роздан всем участникам торжеств. С чувством исполненного долга возвращался из Москвы в Тбилиси Павел Асланиди с двумя своими сотрудниками — заведующими отделами редакции Софьей Гвелесиани и автором этих строк.

Несколько слов и о чисто человеческих качествах Павла Асланиди. В нем, как в истинном тбилисце, тепло к людям выражалось в самых незаметных, само собой разумеющихся и составляющих длинную, бесконечную цепь поступках. Оно означало (кроме — помочь, научить, поддержать, поощрить и других) — ответить на письмо в тот же день, проявить к «чужой» жизни действительную, а не притворную заинтересованность, не оскорблять человека оглядкой, почаще и повнимательнее заглядывать внутрь себя, освобождая свое душевное хозяйство от подозрительности и недоверия, от замкнутости и всего напускного. Все это не красит человека. И он был открыт, богат душой. Это подмечал каждый. Таким и остался Павел Васильевич в наших сердцах.

г. Москва.



ЕЛЕНА ХИТАРИШВИЛИ,  
заслуженный журналист Грузии.

### ЖУРНАЛИСТ НА РАБОТЕ И ДОМА

Заслуженному журналисту Грузии Павлу Васильевичу Асланиди исполнилось 75 лет. Отправляясь на встречу к своему бывшему редактору, испытывала особое волнение. Больше двух десятков лет проработали вместе, многое вместе пережили. Помню, как, получила первое редакционное задание.

— Прикрой на секунду глаза, — сказал мне тогда Павел Васильевич, — а теперь открой и посмотри на мир по-иному. Глазами журналиста с обостренным зрением и интересом ко всему происходящему. Собственно, таким был и остается сам Павел Асланиди. Многие тбилисцы и сегодня называют его, несмотря на возраст, просто Павликом, помня его душевность, его открытость, его способность найти общий язык и установить контакт с каждым. Об этом таланте настроиться на волну человека, порой даже незнакомого, пишет известный журналист Александр Кикнадзе в своей книге «Грузины в разных широтах». Он вспоминает, как к нему, молодому сотруднику «Бакинского рабочего», в 1954 году приехал корреспондент «Гудка» по Закавказью Павел Асланиди, чтобы рассказать о сведениях, полученных им по делу отца Александра, репрессированного и расстрелянного в тридцатые годы и реабилитированного в 1955-м. На титульном листе своей первой книги А. Кикнадзе написал: «Павле Асланиди, грузину, носящему греческую фамилию, от грузина, рожденного в Персии... В знак сердечного тепла и благодарности».

У каждого человека в жизни есть часы особой удачи. Много счастливых моментов было и в судьбе Павла Асланиди. В юности таким «звездным часом» для ученика седьмого класса 11-й железнодорожной школы стало доставшееся ему по жребию право от имени своих сверстников — активистов тюза прийти к высшему начальству и защищать проект строительства первой в мире Детской железной дороги. В дальнейшем его назначили начальником этой дороги.

Немало труда было затрачено, чтобы доставить в «Муштаид» восстановленные в мастерских паровоз и вагончики, установить их на рельсы узкоколейки, проложенной в парке. Пришлось разобрать забор, отделявший территорию

Детской железной дороги от улицы. И все же 24 июня 1935 года (кстати, в день рождения Павлика Асланиди) дорога была открыта. На следующий день газета «Заря Востока» поместила фото ее юных строителей: Шалвы Кокрашвили, Павла Борисова, Наташи Тер-Оганезовой, Таисьи Дмитриевой, Кирила Папиташвили, Павлика Асланиди, Вити Сокольского, Васи Чернышева, Юни Полякова.

Павел Асланиди был одним из организаторов детского движения в Грузии. В 1937 году его назначают начальником летнего лагеря для испанских детей в Кобулет, работает он в «Артеке», становится одним из создателей Дворца пионеров и школьников в Тбилиси. А разве может забыть Павел Васильевич тот день, когда по заданию «Гудка» направился в Баку, чтобы написать о рейсе танкера, везущего грузы для фронта. Было это в самые тяжелые годы войны.

Его горению и мобильности можно позавидовать. Доходило даже до курьезов. Павел Васильевич как корреспондент «Гудка» торопился для подготовки очерка об одном из братьев — железнодорожников Гудадзе, работавшем путеобходчиком Сурамского тоннеля на Закавказской дороге. Он находился в кабине машиниста электровоза. Поезд вот-вот должен был выйти из тоннеля. В этот момент Асланиди решил сделать оригинальный фотоснимок: озаренную лучами солнца трассу, выступающую из тьмы тоннеля. Не спросив разрешения у машиниста, он вышел на открытую площадку и тут же был сброшен вниз воздушной волной. Его, почти теряющего сознание, подхватили чьи-то руки. Журналиста с переломанными ребрами в тяжелом состоянии доставили в больницу. Однако снимок был все же опубликован с комментарием редакции.

20 мая 1958 года Павел Асланиди как редактор выпустил первый послевоенный номер обновленной газеты «Вечерний Тбилиси».

— Тогда, — рассказывает Павел Васильевич, — в редакции работали Зураб Ахвледiani, Илья Бринер, Владимир Харазов, Эмиль Минасян, Алла Стратьева, Лия Мачутадзе, Нина Махарадзе, Семен Свердлин, Анатолий Кикнадзе, Ольга Черкезишвили, Лариса Эйвин, Борис Шахназаров, Додо Канделаки, Ира Спицына, Котик Енгоян, Григорий Левин и другие. Позже пришел к нам Темо Степанов. Он сразу же заявил о себе ярким талантом.

Павел Васильевич побил своеобразный рекорд редакторского долголетия. 28 лет он руководил коллективом



«Вечерки». Теперь, несколько лет спустя после его ухода на пенсию, мы вспоминаем, чем жила «Вечерка» в то время: наши передвижные корреспондентские пункты на фабриках и заводах, в новых жилых районах, театрах и парках, посты на строительстве первой очереди Тбилисского метро, концертного зала филармонии, других крупных сооружений города... Целая эпопея — освещение газетой поисков могилы Шота Руставели.

Павел Васильевич поддерживал постоянные контакты с представителями греческой общественности, с деятелями науки и культуры. Многие годы он был вице-президентом Грузинского отделения Общества «Греция—СССР», сейчас является одним из почетных председателей Федерации греческих общин Грузии. У него сохранились фото, запечатлевшие встречи с композитором Микисом Теодоракисом, известной певицей Иованной, драматической актрисой Папатанассиу. Имя П. В. Асланиди как одного из уважаемых представителей своего народа будет значиться в энциклопедии, посвященной грекам бывшего СССР.

— Представители национальных меньшинств, в том числе и греки, всегда пользовались в Грузии уважением и заботой. Надо сделать все, чтобы эти традиции сохранились и углублялись, — говорит Павел Васильевич.

— Не скучаете по редакции?

— Да, конечно, — улыбается мой собеседник, — но знаете, мысленно я всегда с вами, радуюсь успехам газеты, переживаю ее неудачи.

— Чем живете сегодня, что поддерживает вас в наше нелегкое, напряженное время?

— Моя семья, — последовал ответ, — крепкая, дружная, надежная. Радуют внуки, успехи детей. Сын Ираклий заведует отделом радиологии Института сердечно-сосудистой хирургии имени А. Н. Бакулева в Москве, защитил кандидатскую диссертацию, готовит докторскую — Павел Васильевич не без гордости показывает нам диплом, полученный Ираклием в мае 1991 года на международном конгрессе кардиологов в Греции, где он выступал с докладом. Дочь Эка, хотя и живет отдельно, часто бывает у отца, она — ассистент Института педиатрии. Невестка, Лика Одилвадзе, врач по профессии, приехала с сыном на лето в Тбилиси, в семью свекра. Конечно, навещают друзья. Недавно после концертной поездки в Грецию приходил Одиссей Димитриади.

ЭКА ОДИЛВАДЗЕ И ПЬЕТР ЭКА



Но главное — рядом верный друг—супруга Павла Васильевича Елена Артемовна Надареишвили. Она полна энергии и отдает ее не только семье, но и любимому делу — работает заведующей отделом педагогической информации и координации, старшим научным сотрудником Национального института педагогики имени Я. Гогешвили.

— Как всегда, надеюсь на ее поддержку, — говорит Павел Васильевич. — Так легче жить.

ВАНО ЦЕРЦВАДЗЕ,

заслуженный журналист Грузии.

### ЮНОШЕСКОЕ УВЛЕЧЕНИЕ ИЛИ ПРИЗВАНИЕ?

В конце 30-х годов я познакомился с Павлом Асланиди. В то время я, как говорят, был новоиспеченным журналистом — юным корреспондентом газеты «Норчи ленинели». Прямо со школьной скамьи я пришел на работу в редакцию пионерской газеты. Мне доверили отдел писем или, как тогда называли, отдел деткорров. Нравилась мне работа со сверстниками, чтение их писем и подготовка к печати. Много деткорров, с которыми мне приходилось общаться, были почти моего возраста, и это, в определенной степени, облегчало мне работу с ними. Некоторые из них продолжили свое детское увлечение и впоследствии стали известными журналистами или литераторами. Так, Николай Джаши стал редактором газеты «Тбилиси», Шота Гагошидзе—редактором газеты «Ахалгазрда комунисти», Отар Иоселиани—редактором газеты «Тбилиси», а затем редактором газеты «Сопис цховреба». Сегодня известными литераторами и поэтами являются Парнаоз Эртелишвили, Теймураз Джангулашвили, Вахтанг Горганели, Зураб Чумбуридзе и многие другие.

Павел Асланиди не был деткорром «Норчи ленинели». Он учился в русской школе и был членом кружка при Русском театре юного зрителя, работал в редакции многотиражной газеты «Дети Октября», которой руководил педагог К. Вайсерман. Именно здесь Павел сделал свои первые шаги в журналистике.

Мы познакомились в июле 1939 года. Я находился в командировке в Кобулеті, должен был осветить работу пионерского лагеря. В райкоме комсомола Кобулеті мне рекомендовали посетить один из пионерских лагерей. — «Там работает такой пионервожатый, — сказали мне, — который предоставит вам много по-настоящему интересных материалов». Я и поехал туда. У входа мне преградил дорогу мальчуган в морской форме:

— Ваш пропуск?

— Я редактор газеты «Норчи ленинели», — сказал я мальчугану тоном, не терпящим возражения. Юный матрос сначала чуть-чуть смутился, даже в какой-то момент решил открыть дверь, однако в последнюю минуту изменил решение.

— Пропустить не могу, сообщу дежурному по лагерю...

— Позови старшего пионервожатого.

— Пионервожатого Павлика? — переспросил дежурный и тут же достал телефон, висевший на дереве.

Вскоре я увидел направлявшегося к нам молодого человека в пионерской форме. Это был Павел Асланиди. У ворот лагеря и произошло наше знакомство.

Несколько дней я провел в лагере, жил по его режиму. Утром вставал вместе с ребятами, завтракал вместе с ними, ходил в походы, принимал участие в работе отрядов. Одним словом, в течение этой недели я был пионером и стал свидетелем удивительных дел пионервожатого. Не знаю, какой волшебной силой обладал он во взаимоотношении с детьми, но достаточно было одного его слова, чтобы весь лагерь — около 300 пионеров, собрался в одну минуту. Достаточно было ему поднять руку, чтобы шумный отряд умолк сразу же.

Я знал старших пионервожатых и в других лагерях. Они почти не общались с детьми, командовали только руководителями отрядов, давали им задания и выступали на официальных встречах с пионерами. Павлик (пусть простит мне читатель и дух Павла Асланиди, что я обращаюсь к нему так просто по этому имени, так, как я обращался к нему в молодости и до последних дней его жизни) целый день находился среди пионеров, тут же решал все проблемы, которые возникали между вожакими отрядов.

Павлик был необыкновенный «массовик». Он мог молниеносно придумать какую-нибудь игру и вовлечь в нее всех — и взрослых, и детей, заставить петь весь лагерь...

В лагерях Павлика (так мы называли потом тот лагерь, где работал Павлик) грусть не уживалась. Я и сегодня не могу объяснить тайну его феномена, удивляюсь и сегодня, откуда у такого молодого человека было педагогическое чутье, практический опыт взаимоотношений с детьми?!

Я стал свидетелем одного такого факта. Девочка, руководитель отряда, жаловалась, что в ее отряде есть подросток, которого совершенно не интересуют пионерские дела, часто исчезает с территории лагеря, болтается по улицам курорта, без разрешения уходит на берег моря, купается. Девочка просила Павлика перевести этого «сорвиголову» в другой отряд.

— А это поможет делу? — спросил Павлик и тут же добавил: — и в другом отряде он будет вести себя так же!

Павлик задумался, затем повернулся к руководителю отряда и сказал: «Пришли мне этого «трудновоспитуемого», я что-нибудь придумаю».

Я тогда был убежден, что Павлик пожурит этого парня, почитает ему нотации, пообещает отчислить его из лагеря или прибегнет к другим аналогичным мерам для приручения «сорвиголовы». Мои предположения не оправдались. Павлик тепло встретил подростка, спросил, как он чувствует себя в отряде малышей. Мальчик удивленно смотрел на старшего пионервожатого, чувствовалось, что, как и я, ожидал другой встречи, а потому стоял, словно проглотив язык.

Павлик же обратился ко мне:

«В этом потоке большинство ребят младшего возраста. Серьезное дело поручить некому. Хочу создать наблюдательно-разведывательный пост, а старшим никого не могу подобрать. Здесь нужен смелый и находчивый парень». Естественно, все это он говорил для этого парня и, повернувшись к нему, предложил:

— Давай возглавь этот штаб. Как думаешь, получится?

Мальчик совсем растерялся.

Я уверен, что в тот момент Павлик и не думал о создании какого-либо штаба, придумал все это с ходу, придумал для того, чтобы занять парня. Как я узнал потом, Павлик достиг цели. «Сорвиголова» стал самым активным и деловым парнем, был весьма доволен своей «должностью». С территории лагеря без разрешения не могла и взлететь даже муха, а уж вход незнакомых лиц был исключен.

Что это, если не педагогические способности, чутье, умение «мирным путем» решить все вопросы взаимоотно-

шений с детьми, многие проблемы, связанные с правильным выбором жизненного пути.

Я тогда твердо верил, что Павел Асланиди изберет в жизни педагогический путь, свой богатый практический опыт обобщит, добьется научной степени и... Однако и на этот раз мои предположения не оправдались. Он стал журналистом, и в этом есть доля моей «вины».

В Тбилиси приехал представлять редакцию «Пионерской правды». Надо было подобрать кандидатуру собственного корреспондента газеты для Закавказского региона. Раньше эту должность занимал сотрудник нашей газеты. Естественно, и на этот раз московский гость обратился в нашу редакцию. Выбор остановился на мне. Я отказался, т. к. не владел русским языком настолько, чтобы писать статьи для русской газеты. Большой разговор на эту тему состоялся затем в ЦК комсомола. Меня спросили, не знаю ли я кого-либо среди пионервожатых — такого, который мог подойти для работы корреспондентом. Я тут же вспомнил Павла Асланиди, назвал его. В ЦК комсомола его хорошо знали и поддержали его кандидатуру.

Так Павел Асланиди стал специальным корреспондентом «Пионерской правды» по Закавказскому региону. Это и определило его будущую профессию и жизненный путь. После этого мы часто встречались в школах, на пионерских сборах, совещаниях, вместе бывали в командировках. Вспоминается командировка в Бакуриани. Во время январских каникул проводился недельный военизированный поход тбилисских школьников поездом из Тбилиси до Хашури, а из Хашури до Бакуриани и обратно — пешком. В это время витал над государством дух войны. Страна готовилась к войне. Эта подготовка чувствовалась и в школах. Часто проводились военизированные походы учащихся, игры, соревнования...

Мы с Павликом сопровождали участников похода. Он должен был передать информацию в газету «Пионерская правда», мне же было поручено подготовить две газетные полосы. Дни похода подходили к концу. Павлик поделился со мной своим желанием: ему хотелось побывать в Цихисджвари, пригласил он и меня. Я с удовольствием принял его предложение.

Цихисджвари — село греков в девяти километрах от Бакуриани. Подумалось, как будем добираться в такой снег. Оказывается, Павлик уже устроил все, в сельсовете

Бакуриани ему пообещали лошадей и сани. Заручившись моим согласием, он побежал в сельсовет уточнить время отъезда.

На второй день утром я, Павлик и юный фотокорреспондент нашей газеты Вано Акопов отправились в село. Эта поездка оказалась весьма интересной и плодотворной. Стояла отличная погода: тихая, теплая, падал снег, и необычную тишину нарушал лишь звон наших бубенцов. Я не предполагал, что в Цихисджвари нас встретят такие хорошие, трудолюбивые и прилежные дети. Учителя, руководители колхоза рассказали нам о них интересные истории. Мы были довольны, особенно был рад Павлик. Я заметил, что его заполняло чувство гордости, когда взрослые рассказывали о трудовой деятельности детей-греков, сожалея о том, что газета «Пионерская правда» ограничилась небольшим материалом об этом мероприятии. Он попросил меня рассказать о детях-греках в «Норчи ленинели» как можно подробнее. Просьбу я, естественно, удовлетворил: в номере от 16 января 1941 года целая полоса была посвящена греческим детям из Цихисджвари.

Это была одна из последних наших совместных командировок. Еще раз мы встретились в Коджорском пионерском лагере. Когда я приехал туда, Павлик уже уезжал. Именно в эти дни началась война. Меня отозвали из командировки. Не написал я и материала о пионерском лагере, так как был мобилизован в действующую армию.

После войны до назначения Павлика редактором газеты «Вечерний Тбилиси» мы встречались реже. Затем встречи были уже частыми, т. к. мы находились в одном здании.

В те юные годы я не мог представить, что пройдет время, мы станем пенсионерами и Павлик скончается на моих руках. Мы с Павликом были членами бюро Совета ветеранов Федерации журналистов Грузии, который возглавлял известный журналист Давид Мchedlishvili. В тот день заседание бюро Совета проходило в кабинете известной журналистки Этери Джапаридзе (редакция «Сакартвелос кали»). Мы поздравили Павла Васильевича с семидесятипятилетием, поцеловали его. Мы сидели рядом, он показал мне справку о том, что он был кандидатом в депутаты. Радовался, что ему оказали такое большое доверие. Давид Мchedlishvili подчеркнул большие заслуги юбиляра в деле развития журналистики Грузии и сообщил, что пока ограничиваемся лишь поздравлениями, а совсем скоро юбилейную дату отметят широко. К сожалению,

этому обещанию не суждено было сбыться. Павлу вдруг стало плохо. Я поддержал его; дал нитроглицерин. Этери Джапаридзе побежала за врачом, однако все было впустую. Он умер, как говорят, на боевом посту...

Павел Асланиди оставил неизгладимый след в истории грузинской журналистики. Он займет в ней достойное место. Мне хотелось подчеркнуть менее известное второе юношеское увлечение или призвание этого замечательного человека, об увлечении не менее значительном, нежели журналистика. Он, несомненно, имел к тому большие способности, но, как часто случается в жизни, прошел мимо. Мое маленькое воспоминание написано именно с этой целью.

ЕЛЕНА ЧАЧУА,

заместитель главного редактора газеты  
«Свободная Грузия».

### В ЖИЗНИ «ВЕЧЕРКИ» СЛУЧАЛОСЬ ТАКОЕ...

Как-то одна из «вечерочниц» посетовала на то, что среди нас, видимо, нет по-настоящему талантливых людей, иначе давно уже вышла бы книга веселых и занимательных историй из редакционной жизни с главным героем — редактором Павлом Васильевичем Асланиди.

Книгу так никто и не написал. Но устные рассказы всегда были и остаются «гвоздем» всех вечеринок или, как мы называли их между собой, «сабантуев». И хотя за многие годы истории эти были сотни раз сказаны и пересказаны, и каждый помнил их до мельчайших подробностей, все покатывались со смеху.

Всего несколько сюжетов из анналов редакционных баек.

...На совещании разгорелся спор об одной статье в «Комсомолке», точнее, о каком-то утверждении автора, вызвавшем у нас разночтение. Разброс мнений, сопровождаемый взрывом темпераментов, грозил вылиться в нескончаемую дискуссию и переход на личности. «О чем спорим, старики?» — Павел Васильевич всех нас, незави-

симо от возраста, называл стариками и старухами. — «Давайте прочтем статью вслух».

Редактор нажал на кнопку, вызвал секретаршу и сказал: «Возьми подшивку «Комсомолки» и в «подвале» поищи статью». Для непосвященных: «подвал» — нижняя часть полосы. Красивая секретарша понимающе кивнула и царственно удалилась.

Прошло десять минут, полчаса, час... Мы уже давно перекинулись на другую тему и забыли о предмете предыдущего спора. Первым спохватился редактор: «А где секретарша?».

Гонец сообщил, что на месте ее нет. Группа гонцов, направленная на поиски красавицы, обнаружила ее в редакционном подвале, уныло листавшей подшивку. «Почему ты здесь?» — спросили ее. «Редактор сказал — поищи статью в подвале»...

...Редактор заходит в машинописное бюро: «Собачки у вас есть?». Опять-таки для непосвященных: «собачки» на журналистском жаргоне — специальные редакционные бланки. Новенькая растерянно оглядывается по сторонам: «Нет у нас собак».

...Я — дежурная по номеру. Звонит селектор. Редактор: «Старуха, у тебя на первой полосе всего два материала с подписями». Действительно — открытое письмо Брежнева и маленькая заметка за подписью нештатника Хачатурова. «Понимаешь, — продолжает серьезно редактор, — Брежнев и Хачатуров рядом быть не могут. Убери одну из подписей по своему усмотрению».

Но особое место в нашей жизни занимали производственные совещания-«летучки». Вот, где безудержно выплескивался юмор Павла Васильевича. И еще — неологизмы, на которые он был мастер. Мы их называли «асланизмами». Наш коллега ходил на летучки с блокнотиком и исправно записывал все его остроты. Самые любимые фразы редактора — «Это ни в какие ворота не лезет» (по поводу ошибок в газете, которые по какому-то странному закону имели обыкновение идти подряд — из номера в номер). «К нам в дверь стучатся нештатники» (угроза в адрес обленившихся штатников). «Держите одних и тех же авторов за фалды штанов» (упрек за недостаточно активную работу по расширению авторского состава) и еще многие другие, без которых не проходила ни одна летучка, ни одно открытое партийное собрание, прочно вошли в нашу обиходную речь. Но из-за одной фразы, тоже из раз-

ряда любимых Павлом Васильевичем, однажды произошел конфуз. И неизвестно, какой оборот, приняла бы оплошность коллеги, не обладай наш редактор потрясающим чувством юмора.

Шел очередной разнос, к которому мы привыкли и которого не очень боялись, наперед зная, что, хотя Павел Васильевич и любитель покричать, но крутых мер принимать не станет — характер у него отходчивый. Обычно мы предпочитали отмалчиваться, но в тот день почему-то вяло сопротивлялись — мол, не так уж и плохо работаем. И тут-то редактор задал свой риторический вопрос, после чего обычно разнос достигал апогея: «Вы думаете, я совсем дурак?».

Гробовое молчание нарушила автоматически выданная реплика коллеги, который где-то далеко находился в своих мыслях, но вопрос услышал и в силу природной вежливости посчитал нужным отреагировать: «Нет, Павел Васильевич, не совсем!».

Все замерли, не решаясь даже хихикнуть. Но не выдержал редактор и разразился громким хохотом. Никто не мог так смеяться, как он — по-детски открыто, самозабвенно, искренне.

Говорят, у режиссера, решившего снять фильм о первом космонавте, возникла серьезная проблема с героем на главную роль. Нашлись люди, внешне похожие на Гагарина, да и грим помог бы, но ни у кого не было знаменитой на весь мир гагаринской улыбки. Так вот, если бы у кого в свое время возникла идея снять фильм о первом и почти три десятка лет бессменном редакторе «Вечернего Тбилиси» послевоенного периода, проблемы были бы аналогичные: никто из актеров не смог бы повторить его смех.

Но больше всего веселых историй происходило в недавние годы в традиционный праздник «Тбилисоба». Еще одна отличительная черта Павла Васильевича — фантастическая коммуникабельность. Его дружеские связи не могли вписаться в границы республики. Мы уже привыкли к тому, что куда бы ни пришли, будь то кожзавод или Академия наук, на прощание нас всегда просили: «Передайте привет Павлику». Но были приятно удивлены, когда очередные гости редакции (в «Вечерке» свято оберегалась традиция — всех именитых заезжих приглашать к себе на «огонек»), известные на всю страну артисты обращались к Павлу Васильевичу, как к давнему и доброму знакомому — по имени и на «ты».



А «Тбилисоба» для П. Асланиди действительно был праздником дружбы. «Павлик, дорогой!» — бросился в объятия тогдашний главный архитектор Москвы. «Павлик», «Павлик»... Я и Таня Читая только успевали узнавать лица или выспрашивать: кто это? Артист Лебедев, строго засекреченный конструктор космических кораблей Сокольский, ученые, министры, партийные работники центрального аппарата. «Павлик!» — радостно кричал из сооруженной в честь праздника в парке в качестве местного колорита то-нз старик-пекарь.

Но однажды на «Тбилисоба» произошла забавная история. Павел Васильевич, слегка утомленный встречами и приветствиями, чуть было расслабился, но тут раздался знакомый до боли клич: «Павлик, дорогой!» К нам бежал такой же невысокий, как Павел Васильевич, толстячок, в точно такой же, как он, шляпе. После ряда сложных манипуляций — мешали поля шляп, им, наконец, удалось обменяться долгим дружеским поцелуем. После чего они разбежались, клятвенно пообещав друг другу непременно встретиться. Едва толстячок скрылся с горизонта, обаятельная улыбка мгновенно сошла с лица Асланиди. «Кто он такой?» — недоуменно спросил нас Павел Васильевич. Мы расхохотались. Оценив комизм ситуации, рассмеялся и он.

Однако был случай, когда не узнали его самого, точнее, спутали, и на какие-то минуты ему чуть было не отказало чувство юмора. Известный психиатр Авлипий Зурабашвили, увидев Павла Васильевича, подошел, крепко пожал ему руку и поинтересовался: «Вы операцию сделали?». «Нет, — ответил Павел Васильевич, — никакой операции я не делал». «Как нет? — настаивал на своем великий психиатр. — Я что, не вижу? Где ваш горб?». «Не было у меня горба», — обиделся редактор. «Как это — не было? Я прекрасно помню, у вас раньше был горб, а теперь его нет». Мы с Таней Читая, наблюдавшие эту сцену, поняли, что Зурабашвили спутал Павла Васильевича с одним известным театральным деятелем, который был чем-то на него похож, и Таня шепнула на ухо редактору. Реакция — заразительный смех. Психиатр оценивающим взглядом профессионала посмотрел на человека с резким перепадом настроения, и нам показалось, что сейчас поступит приглашение на прием.

Конечно же, в нашей долгой вечеркинской жизни не все было так гладко и весело. И не из всех сложных мо-



ментов и трудных ситуаций нас выводила шутка, хотя, бесспорно, она помогала. И не всегда мы были довольны начальством. Ворчали, обижались. В таких случаях редактор говорил: «Вы еще вспомните меня, когда меня не станет». Мы тогда не придавали особого значения его словам, возможно, не верили, что его может не стать. Не стало... Но он прав — мы помним своего редактора. Время услужливо вытравило из памяти все невеселое, отбелило все темное, оставив лишь забавные истории. И его смех. Его юмор. Как считают ученые, присущий только человеку. Добавим — сильному...

МИЯ ЧИКОВАНИ.

### ШТРИХ К ПОРТРЕТУ

Сорок лет я работала заведующей общим отделом Тбилисского городского комитета партии. По долгу службы у меня были тесные контакты с редакторами городских газет. Помимо служебных контактов, с Павлом Васильевичем меня связывала многолетняя дружба. Это была удивительная личность: доверчивый, с огромным чувством ответственности к порученному делу. Во время подготовки, будь то к пленумам горкома партии, собраниям актива или конференциям, он стремился всегда первым добыть нужную для газеты информацию и с этой целью «сторожил» двери кабинета общего отдела. Его «методы» приоритетной «добычи» информации были настойчивыми и нередко сопровождались курьезами. Как правило, до начала мероприятия он должен был первым получить хотя бы «черновой» материал, чтобы его газета «Вечерний Тбилиси» первой опубликовала интересные материалы и газетный номер своевременно поступил к читателю.

Однажды я отказала ему в «добыче» такого «материала». Сочла преждевременным выдачу информации. Мой отказ так подействовал на Павла Васильевича, что он швырнул папку и, точно подкошенный, опустился на стул, за чем последовал конфуз. Задний шов на брюках не выдержал такого «скачка» и распоролся. Последовал наш общий смех, и я предложила: «Зашью вам брюки». Павел Васильевич сидел в ожидании готовых брюк... В это время в комнату заглянули — оказался наш общий знакомый.

Павел Васильевич забыл, в какой ситуации он находился, встал и протянул руку вошедшему... Смеялись уже втроем...

Батони Павле был удивительно добрым, отзывчивым. Однажды, будучи в горкоме партии, он узнал, что у нашей уборщицы (которую он даже не знал) две недели тому назад скончался муж. Увидев женщину в черном, он достал 25-рублевую банкноту и почтительно протянул ее вдове. Она поблагодарила его. В то время 25 рублей была немалая сумма. Мы-то хорошо знали, что лишних денег у Павла Асланиди никогда не было. Доброта была его натурой. Неудивительно, что у него был широкий круг друзей и товарищей.

Павел Васильевич остался в нашей памяти как личность, наделенная необыкновенными человеческими качествами, полная тепла и любви.

БОРИС ШАХНАЗАРОВ,

заслуженный журналист Грузии.

### ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ПИСЬМА

Первая встреча с Павлом Васильевичем Асланиди — одно из светлых воспоминаний моей молодости. Было это в конце 1958 года, когда он принял меня на работу в редакцию возобновленной газеты «Вечерний Тбилиси». Здесь под его началом я проработал без малого тридцать лет, прошел путь от учетчика до заведующего отделом писем. До меня отделом руководили Вильям Ованесов, Донара Канделаки, Анатолий Кикнадзе, ставший впоследствии заместителем редактора. С Анатолием Кикнадзе, как и с журналистом Эмилем Минасяном, меня связывала большая дружба.

Хорошо помню, как внимательно относился Павел Васильевич к письмам читателей. В ту пору каждое утро наш почтальон, тетя Маро, приносила в редакцию не менее пятидесяти писем. И ни одно из них не оставалось без внимания редактора. Все письма им прочитывались в день доставки, а если выпадали напряженные дни, он уносил их домой, и на следующее утро вишневого цвета папка с письмами возвращалась в отдел.

Внимательное отношение к письмам не было случайным явлением, а носило закономерный характер: Павел Васи-

льевич прошел отличную школу в «Гудке», будучи собственным корреспондентом по Закавказью этой популярной газеты, где письмам, начиная с Ильфа и Петрова, всегда придавали большое значение.

Однажды, во время читки новой почты, Павел Васильевич сказал мне: — Старик, запомни раз и навсегда, из письма может родиться передовая статья и очерк, фельетон и беседа, в каждом письме есть своя изюминка, главное — уметь найти ее».

Это не было пустословием. Именно благодаря письмам в газете часто публиковались интересные материалы, вводились новые формы работы с читателями — передвижной корреспондентский пункт (ПКП) на предприятиях и в микрорайонах города, Дни открытого письма, на которых читатели получали ответы непосредственно от первых лиц.

Ни одна инициатива, ни одно предложение журналиста «Вечерки» не оставались без внимания редактора. Если Павел Васильевич считал, что это принесет пользу, вызовет интерес у читателя, перед нами всегда открывалась «зеленая» дорога. Сошлюсь на факт. Как-то в газете «Красная Звезда» я увидел фронтовой снимок. Военный фотокорреспондент запечатлел волнующий момент — советские бойцы первыми переходят границу фашистской Германии в конце 1944 года. Это были воины-гвардейцы — грузин, старшина И. Тавберидзе, русский, сержант С. Затылкин, узбек, младший лейтенант А. Ашинбаев, дагестанец, ефрейтор И. Адельханов и казах, сержант И. Исамбаев. Я предложил редактору опубликовать фото в газете и обратиться к читателям с просьбой, если они располагают данными, сообщить сведения о нашем земляке. На следующий день снимок напечатали в газете. Поиск ветерана увенчался успехом. Зестафонский райвоенкомат помог разыскать старшину запаса Иовела Тавберидзе, проживавшего в селе Кведа-Сазано Зестафонского района.

В тот же день вечерним поездом выехали в Зестафонию и фотокорреспондент Альберт Вачьян, ныне проживающий в Израиле. От вокзала до села добирались пешком, т. к. из-за сильного ливня автотранспорт не работал. Утопая в грязи, насквозь промокнувшие, мы с трудом добрались до дома Тавберидзе, где нас тепло встретил сам хозяин и его домочадцы. Спустя три дня материал о герое войны был опубликован в газете. С тех пор рубрика «Корреспондент ведет поиск» стала у нас традиционной. Она помогла найти новых героев, наших соотечественников, рассказать

о малоизвестных страницах Второй мировой войны.

С именем Павла Васильевича связан приход в «Вечерний Тбилиси» старейшего журналиста, не один десяток лет проработавшей в отделе писем «Зари Востока» Нины Николаевны Чхубиани — требовательного и в то же время отзывчивого и чуткого человека. Многим молодым журналистам, которые работали на общественных началах, она дала путевку в жизнь. Это — Георгий Адамашвили, Инга Аветисова, Светлана Хуцишвили, Гарри Даварашвили, Мадлена Захарова, Майя Ахобадзе, Виктория Розенблюм, Давид Мартиросов, Наташа Луковкина, Диана Гигиадзе, Марина Ревазишвили, Карина Хачатурова. Позже к нам пришли Ирина Барамидзе, Анна Смирнова, Марина Шарашидзе, Ирина Коваленко и другие. Направляя молодых журналистов в наш отдел, Павел Васильевич каждого напутствовал: — для журналиста все начинается с письма.

Всех, кого я назвал, судьба разбросала по разным городам и весям. Одни продолжают жить и работать в Тбилиси, другие выехали на постоянное жительство в страны СНГ, третьи отправились еще дальше — в США, Канаду, Израиль. Глубоко уверен в том, что каждый из них оставил частицу своего сердца в редакции, в отделе писем «Вечерки» времен Павла Васильевича Асланиди.

В жизни нашего редактора было все, все было пережито им — большое и ничтожное, серьезное и смешное. Всегда с улыбкой вспоминаю курьезный случай. Однажды ко мне в кабинет вошел фотокорреспондент Генрих Шустер (сейчас он проживает в Израиле).

- Причешься, мне надо тебя сфотографировать.
- Зачем? — удивился я.
- Редактор распорядился.

Щелкнув затвором фотоаппарата, он вышел в коридор, где лицом к лицу столкнулся с редактором.

- Ты почему задерживаешься, Бор может улететь.
- А я его уже сфотографировал.
- Кого? — спросил Асланиди.
- Шахназарова...

Ларчик открывался просто. Дело в том, что в те годы вместо «Боря» меня нередко называли «Бора», особенно часто это делал заместитель редактора Ираклий Сараджишвили, да и Шустер не чурался называть меня так.

А курьез кончился тем, что Шустер сфотографировал известного ученого — физика Нильса Бора и снимок напечатали в газете.



О Павле Васильевиче написано много воспоминаний. Многие знали его ближе и лучше меня. И мои беглые строки знакомства, встреч и общения с ним могут пополнить воспоминания о нем, пожалуй, только небольшими штрихами. Мне же эти строки дороги, как лично пережитое, и писал я их для себя, как воспоминания о днях моей молодости, согретых вниманием Павла Васильевича.

**МАКЕДОН ЯНАКИДИС,**

президент Греческого культурного центра в Грузии «Македония».

### **ОН ПРОКЛАДЫВАЛ ДОРОГУ ДРУЖБЫ**

В моей памяти Павел Васильевич Асланиди останется как живой пример настоящего, мыслящего человека. Великолепный эрудит, интеллигент в полном смысле этого слова, он отличался громадной трудоспособностью.

Будучи бессменным редактором всеми нами любимой газеты «Вечерний Тбилиси», он вместе с тем совмещал многостороннюю общественную деятельность. Принимал активное участие в жизни Грузии, в его кабинете часто бывали посетители со всех уголков страны, в том числе и много греков, и всем он старался оказать действенную помощь.

Велика его заслуга и в создании Греческого культурного центра при Министерстве культуры Грузии, в организации эстрадного ансамбля «Орфеас». Павел Васильевич был настоящим патриотом своей родины — Грузии. Но он любил и землю своих предков — Грецию. Он всегда интересовался нашими первыми шагами. Оказывал помощь в решении всех, возникающих на нашем пути проблем.

Я имел счастье знать прекрасную семью уважаемого Павла Васильевича, где меня принимали, как родного сына. Навсегда сохраню в памяти теплоту домашнего очага.

Павел Васильевич старался познакомить меня с передовыми людьми нашей страны, а также лучшими представителями греческого народа, проживающих в Грузии и бывшем СССР. Он рекомендовал меня известному дирижеру Одиссею Димитриади — одному из ярчайших представите-



лей грузинской культуры, ныне переехавшему на постоянное местожительство в Грецию. Одиссей Димитриади трогательно любил Павла Асланиди и глубоко переживал его безвременную кончину.

После знакомства мы часто встречались у О. Димитриади и обсуждали вопросы развития культурной жизни греческого населения Грузии, повышения его благосостояния.

Для меня и всего моего поколения Павел Васильевич останется примером во всем: как прекрасный специалист и умный наставник, как ученый с энциклопедическими знаниями, как патриот своей страны и патриот греческого народа, как яркий общественный деятель.

НУГЗАР ПОПХАДЗЕ

### СЛОВО О ПАВЛЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ — «ПАВЛИКЕ»

Сообщение супруги Павла Васильевича Елены Артемовны о подготовке и издании сборника воспоминаний друзей, посвященного памяти одаренного журналиста и самобитного человека — «Павлика», как ласкательно называли его близкие и коллеги, заставило меня вспомнить дни молодости, когда я, начинающий журналист, студент Тбилисского государственного университета, познакомился с Павлом Васильевичем — «незаменимым» редактором «Вечерки». Это знакомство переросло в дружеское общение, овеянное его человеческим обаянием, тонким знанием жизни, исключительной внимательностью, особенно по отношению к тем, кто ему нравился. Думается, что не будет нескромным отнести себя к их числу.

Наш родной город всегда славился своими колоритными горожанами. Именно они придавали столице Грузии тот особый шарм, ту неповторимую духовную окраску, что всегда волновало сердца людей, притягивало в наш город многочисленных гостей, становившихся, как правило, его искренними друзьями и поклонниками.

Павла Асланиди, настоящего тбилисца, с детства окружала плеяда истинных тбилисцев, сыгравших большую роль в его становлении как человека и гражданина, с которыми он всю жизнь сохранял дружеские отношения. Кого только ни было среди них: Ираклий Тоидзе, Георгий



Товстоногов, Георгий Мдивани, Акакий Каранадзе, Лев Оников, Одиссей Димитриади и многие другие.

«Звездным часом» его интересной, насыщенной многими яркими событиями жизни, стало его выдвижение на пост редактора обновленной городской вечерней газеты. 20 мая 1958 года тбилисцы получили новый номер «Вечерки».

Не все удалось претворить в жизнь заслуженному журналисту Грузии за почти тридцатилетний срок пребывания на редакторском посту. Было на это немало и субъективных причин, но он всю свою сознательную жизнь, до самых последних дней, вел активную общественную работу, будь то в Федерации греческих общин или работа с молодыми начинающими журналистами.

Рядом с Павлом Васильевичем всегда была его верный помощник и друг Елена Надареишвили и их замечательные дети — сын Ираклий и дочь Екатерина, врачи по профессии.

Прошли годы, однако светлая память о Павле Васильевиче Асланиди не покидает его друзей, меня, в том числе. Мы часто вспоминаем с грустью минувшие дни, наполненные радостью общения и дружбы.

Надеюсь, что эта книга воспоминаний будет не только светлым памятником Павлу Васильевичу, но и станет еще одним колоритным мазком в палитре памятной летописи о Тбилиси и тбилисцах.





# СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО О П. АСЛАНИДИ . . . . .	3
Телеграммы . . . . .	5—6
НАДАРЕИШВИЛИ ЕЛЕНА — Рядом и на всю жизнь . . . . .	7
АЗИРОВ АРТЕМ — Мой друг Павел Асланиди . . . . .	18
ВАСАДЗЕ НАТЕЛА — О добром друге . . . . .	21
ГВЕЛЕСИАНИ СОФЬЯ — В нем кипела жизнь . . . . .	24
ГОРДЕЗИАНИ Рисмаг — Тбилисский потомок эллинов . . . . .	28
ГРЕБНЕВ Анатолий — Поход за мандаринами . . . . .	29
ДАИАНИ ДЖОДОР — Маэстро журналистики . . . . .	32
ДОЛИДЗЕ ЛЕВАН — Калакели Павле . . . . .	35
ДЖОРБЕНАДЗЕ СЕРГО — На земле сказочной Эллады . . . . .	44
ЕРЕМЯН АРСЕН — Как данаиды в старину . . . . .	46
ЗАРДАЛИШВИЛИ ШОТА — Человек с открытой душой . . . . .	51
КВАРАЦХЕЛИЯ ДЖУНА — Слово о друге моей юности . . . . .	52
КИКНАДЗЕ АЛЕКСАНДР — Память сердца . . . . .	55
КОБАХИДЗЕ ЛАЛИ — Грузин с греческой фамилией . . . . .	62
МЕГРЕЛИШВИЛИ КАРЛО — Он остается частицей нашего города . . . . .	63
МЕСХИ ИЯ — Первая из 49 . . . . .	65
МЕСХИЯ ИЯ, ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ—Пионерская—Солнечная	66
ОНИКОВ ЛЕВ — Тепло сердца . . . . .	68
ОСИШВИЛИ МАКВАЛА — Жить, чтобы любить . . . . .	71
ПИРАДОВ ЛАЗАРЬ — Человек из непрошедшего времени . . . . .	73
СТЕПАНОВ ТЕЙМУРАЗ — «Я от Павлика» . . . . .	77
ХАРАЗОВ ВЛАДИМИР — Тридцать незабываемых лет . . . . .	80
ХИТАРИШВИЛИ ЕЛЕНА — Журналист на работе и дома . . . . .	85
ЦЕРЦВАДЗЕ ВАНО — Юношеское увлечение или призвание?	88
ЧАЧУА ЕЛЕНА — В жизни «Вечерки» случилось такое... . . . . .	93
ЧИКОВАНИ МИЯ — Штрих к портрету . . . . .	97
ШАХНАЗАРОВ БОРИС — Все начинается с письма . . . . .	98
АНАКИДИС МАКЕДОН — Он прогладывал дорогу Дружбы	101
ПОПХАДЗЕ НУГЗАР — Слово о Павле Васильевиче — «Пав- лике» . . . . .	102

Заказ № 725

Тираж 400.

Типография издательства «Самшобло», Тбилиси, ул. Костава, 14.

